

В.В.Евсюков

МИФЫ О МИРОЗДАНИИ

БЕСЕДЫ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

В.В.Евсюков **МИФЫ**
О МИРОЗДАНИИ

**ВСЕЛЕННАЯ
В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ**

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1986**

Евсюков В. В.

E26 Мифы о мироздании вселенная в религ.-миф. представлениях.— М.: Политиздат, 1986.— 112 с.— (Беседы о мире и человеке).

Автор книги — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР В. В. Евсюков, — используя богатый этнографический и филологический материал, анализирует мифы древних народов о возникновении и строении мира, показывает, что многое из этих мифов было унаследовано развитыми религиями: иудаизмом, христианством, исламом и др.

Рассчитана на массового читателя.

E 0400000000—067
079(02)—86 108—86

86.31

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге речь пойдет о мироздании, но не о том, каким его видит и понимает современная наука, а о том, каким оно представлялось человеку в далеком прошлом. С самой глубокой древности люди задумывались над окружающим их миром, пытались постичь его устройство и закономерности. Не обладая научным знанием, они не были в состоянии верно решить проблемы происхождения и строения вселенной, но, несмотря на это, все же не отказывались от таких попыток. Их мировоззрение заслуживает самого пристального и внимательного изучения.

Вполне уместен вопрос: а зачем все это надо?

Дело не только в том, что мы должны отдать дань уважения безвестным мыслителям, еще на заре человеческой истории ломавшим головы над

загадками бытия. Существует еще много причин, в силу которых изучение древних представлений о мире имеет особую важность, прежде всего с точки зрения истории науки. Да, да, читатель, это не оговорка — именно науки. Но какая, спросите вы, может быть связь между наукой и мифами, основанными по большей части на фантазии? Оказывается, весьма непосредственная. Появление собственно науки обычно принято связывать с эпохой ранней античности. Но вот парадокс: уже наиболее ранние натурфилософские и космологические концепции античности предстают перед нами в достаточно сложном и разработанном виде. Наглядно такая ситуация представлена в иллюстрации одной из книг по ранней истории науки: из расколотого яйца показывается голова бородастого, умудренного знаниями мыслителя. Но ведь, по логике вещей, такого быть не может. Научное знание должно иметь свою предысторию.

Если речь заходит о космологических концепциях, то предшественником науки является мифопоэтическое мирозерцание. Возьмем, к примеру, развивавшиеся первыми философами учения о небесных сферах и первоэлементах бытия, ранние географические представления. Мы увидим, что аналоги им обнаруживаются не где-нибудь, а в мифах, в самых ранних, еще донаучных концепциях мироздания. Лишь постепенно, путем долгой и сложной эволюции творческая мысль человека освобождается от предрассудков и суеверий, становясь на путь подлинно научного поиска. Мифологические представления о мире консервируются в религии. И это еще одна причина, почему следует внимательно изучать их.

Анализ архаичных представлений о вселенной со всей убедительностью показывает, что картина мироздания, предлагаемая мировыми религиями, в своих главных чертах буквально совпадает с представлениями о вселенной тех религий, которые принято относить к числу

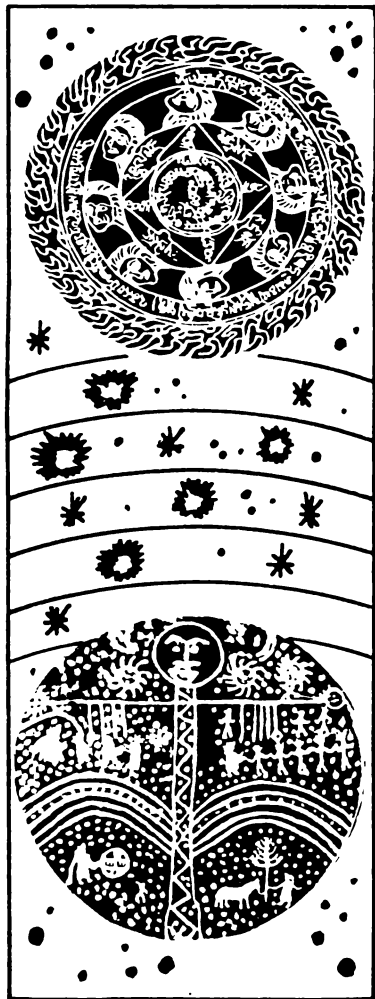
примитивных и первобытных. Исследование архаичного миропонимания, таким образом,— свидетельство того, что всякая религия представляет собой продукт определенной исторической эпохи.

Обращение к древним представлениям о мире имеет и значение чисто познавательное. Ведь далеко не все бесследно кануло в Лету. Немало отзвуков давно минувших времен, пережив века, сохраняется и по сей день в виде устаревших выражений и оборотов речи, символов, образов, примет и суеверий. Знакомство с ними позволит лучше и полнее понять исторические корни нашей современной культуры. Наконец, изучение религиозно-мифологической картины мироздания имеет и самостоятельную ценность. При всей своей наивности, она вовсе не столь примитивна, как может показаться на первый взгляд. Было бы ошибочно считать, что религиозно-мифологическая картина вселенной есть плод одного лишь незнания и неспособности древнего человека правильно объяснить мир. Все это, безусловно, имеет место, но важно подчеркнуть и другое: мировоззрение формируется не произвольно, а в соответствии со сложными закономерностями. Постижение смысла этих закономерностей дает возможность наглядно представить один из ранних этапов познания человеком окружающего мира.

Остается сказать о том, что религиозно-мифологические воззрения на природу и вселенную отличаются необычайным многообразием и пестротой. Целый калейдоскоп сюжетов, образов, понятий возникает перед приступающим к изучению этой проблемы. В то же время из, казалось бы, необъятной и разнородной массы фактов достаточно отчетливо выделяется некоторое число основополагающих и универсальных космологических идей, в той или иной мере присущих большинству народов и культур. Изложение и анализ наиболее значительных из них автор и предлагает вниманию читателя.

МНОГОЭТАЖНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

В современной разговорной речи нередко можно встретить выражение «быть на седьмом небе», означающее крайнюю степень восторга, счастья, радости, и никто из нас, вероятно, не задумывается над его первоначальным смыслом. Точно так же, употребляя привычное с детства слово «небеса», мало кто обращает внимание на то, что оно представляет собой форму множественного числа от слова «небо». Никому не приходит в голову удивиться, почему небо вдруг представляется множественным. Между тем вопрос этот вовсе не праздный: в далеком прошлом названное выражение понималось не в переносном смысле, как сейчас, а совершенно буквально. Люди верили в то, что существует несколько лежащих одно над другим небес; язык же сохранил для нас эти свидетельства.

Сказанное относится не только к небу. В религиозно-мифологической картине мира самых разных народов множественной мыслилась и сама земля, и подземные пространства преисподней. Такую вселенную образно можно сравнить с многоэтажным зданием, верхние этажи которого соответствуют небесам, населенным богами, средние — земле, обиталищу людей, а нижние отданы всевозможным демонам и злым духам. Такое сравнение, кстати сказать, находит себе подтверждение в многочисленных мифологических текстах, где сотворение вселенной приравняется к строительству царского дворца или храма, а сам творец рисуется в облике ремесленника, вооруженного циркулем, угольником, молотком и иными плотницкими инструментами. Следы подобных представлений обнаруживаются в античной Греции, на Ближнем Востоке, в Индии, Китае, Центральной Азии, а также в религиозных традициях других регионов.

Библия и ислам

Концепция «многоэтажной» вселенной уходит корнями в глубокую древность, в наиболее архаичные пласты религиозно-мифологического сознания. В то же время она отчетливо видна и в таких развитых религиях, как христианство, ислам, буддизм. Начнем с библейской картины мира. Связного описания вселенной мы в Библии не найдем. Его можно лишь реконструировать, собрав и сравнив разбросанные там и сям упоминания, намеки и косвенные свидетельства. Поскольку Библия составлялась долгое время и разными лицами, она вобрала в себя различные, часто противоречивые, воззрения. Соответственно, в ней обнаруживаются следы космологических схем, отличающихся одна от другой важными деталями. В общих же чертах библейская космология имеет следующий вид.

Прежде всего, выясняется, что авторы Библии представляли себе мироздание состоящим из трех главных подразделений — неба, земли и преисподней. Указания на это неоднократно встречаются в библейских текстах. Так, в книге Исход (20:4) говорится о «небе вверху», «земле внизу» и «воде ниже земли». Первобытные воды здесь отождествляются с нижним миром, об этом же сообщается в Псалтири (135:6): «Утвердил (бог.— В. Е.) землю на водах». Представление о тройственной вселенной характерно и для Нового завета. В послании апостола Павла к филиппийцам (2:10) читаем: «...пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних». Понимать это надо так, что Христос властвует над всем миром. В Апокалипсисе же (5:13), когда говорится обо всех созданиях, перечисляются существа, находящиеся «на небе и на земле, и под землею, и на море». На этих примерах видно, что три сферы мироздания для новозаветных авторов являются главными структурными элементами космоса.

Средний мир, земля, мыслится круглым диском, плавающим в Мировом океане: бог, согласно пророку Исае (40:22), «восседает над кругом земли». В мифологии многих народов изначальные хаотические воды, из которых творится мир, олицетворяются в облике космического дракона, в процессе миротворения побеждаемого богом. Отзвуки этого обнаруживаются в Апокалипсисе (20:1—3): «И увидел я ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать». Мотив преисподней в образе ужасного змея пользовался широкой популярностью в христианской иконографии: на множестве икон и картин ад рисуется как разверстая пасть дракона, пожирающего души грешников. Эти представления примечательны тем, что находят большое число

параллелей и аналогий в мифах различных народов, согласно которым земля поκειται на спине змея или иного подобного ему чудовища.

Наряду с этим в Библии содержится и другое представление о преисподней. В некоторых ветхозаветных текстах она изображается наподобие города (или дома), имеющего ворота, именуемые «вратами смерти» (Пс., 9:14). Сообщается и о «столпах», поддерживающих землю и помещающихся, надо думать, в преисподней (Пс., 74:4).

Библейская картина мира, как уже говорилось, не отличается четкостью. В частности, для обозначения преисподней в Библии используются различные термины, имеющие, соответственно, разное содержание. Чаще всего в этом смысле употребляются древнееврейские слова «шеол» и «геенна», а также греческое¹ «гадес» (другое чтение — «айд»; отсюда, кстати, русское «ад»). Шеол — это подземное обиталище мертвых, отождествляемое с глубиной и мраком. Туда после смерти попадают все без исключения люди. Видимо, представления о шеоле еще не подверглись воздействию идеи о посмертном воздаянии, поэтому их следует считать наиболее древними. По мере развития социальных отношений и самой религии картина усложняется, соответственно, начинается различаться и посмертная судьба праведников и грешников. Так, например, согласно Евангелию от Луки (16:19—31), преисподняя разделена глубокой пропастью на две части: в одной из них, в аду, мучаются души неправедных, в другой же, именуемой «лоно Авраамово»², нищие и униженные, бедствовавшие при жизни, получают отдохновение за свои страдания в земной юдоли.

¹ Новый завет, в отличие от Ветхого, написан по-гречески.

² Авраам — легендарный патриарх, мифический прародитель еврейского народа; лоно — место на коленях или за пазухой; таким образом, «лоно Авраамово» можно понимать как место детей в объятиях своего отца.

Еще более отчетливо идея о посмертных карах за грехи выражена в понятии «геенны огненной». Буквально слово «геенна» переводится как «долина Хинном», так в древности, еще задолго до новой эры, именовалась долина, располагавшаяся к юго-западу от Иерусалима. Иудейские цари, как о том свидетельствует сама Библия, время от времени совершали здесь, в святилище Молоха, обряды со сжиганием людей, вызывая тем праведный гнев бога Яхве. С течением времени долина Хинном превратилась в место, куда стаскивали и сжигали всевозможные отбросы. Позднее это нечистое и проклятое место стало представляться как один из входов в преисподнюю и даже стало ее синонимом.

Небо в Библии изображается в виде железного купола, опрокинутого над землей. В книге Иова (37:18) сказано: «Распростер небеса, твердые, как литое зеркало». Края небес соприкасаются с краями земли. Подобно тому как преисподняя часто отождествляется с первозданными водами, так же и над сводом небес помещается небесный океан, воды которого в виде дождя время от времени изливаются через специальные окна, имеющиеся в небосводе. В качестве опор неба выступают горы, уподобляемые в Библии столпам, поддерживающим землю. По новозаветным представлениям небеса — место пребывания ангелов и бога-отца, восседающего на особом троне. По правую руку от него находится Христос, вознесшийся на небо после казни на кресте и воскресения. Если подземный мир — это место безрадостного существования или даже мучений, то небо в противоположность ему мыслится как прибежище для особо отличившихся перед богом праведников, именно там помещается христианский рай.

В описании небес Библия столь же непоследовательна, как и в вопросе о преисподней. По крайней мере, ясно одно: небес несколько, как минимум — два. Здесь интересно отметить буквальное совпадение с аналогичными

древнеегипетскими представлениями, согласно которым также существует два неба — верхнее и нижнее. На религиозных изображениях они представлялись в виде двух богинь Нут (Нут — древнеегипетское олицетворение неба), склонившихся одна над другой.

В Новом завете совершенно недвусмысленно заявляется, что небес три. Во втором послании к коринфянам апостола Павла (12:2—5) приводится любопытный рассказ. Апостол сообщает, что знаком с неким «человеком во Христе»¹, который за четырнадцать лет до момента повествования будто бы был вознесен (надо полагать, ангелами) до третьего неба. Исходя из общей картины, рисуемой евангелиями, можно предположить, что первое небо — это металлический небосвод, а второе — небесный океан. Эта традиция получила развитие во внеканонической христианской литературе. Так, например, в славянском апокрифе «Хождение богородицы по мукам» говорится уже о семи небесах.

Библейские представления о структуре вселенной перекликаются с космологическими воззрениями других древних народов Ближнего Востока. Так, имеются черты сходства с ханаанейской мифологией, созданной исконными обитателями Палестины, населявшими этот край до прихода туда древних евреев. Но еще больше совпадений обнаруживается при сравнении библейской картины мира с вавилонской космологией. И это неудивительно, ибо самобытная и чрезвычайно богатая духовная культура Вавилона оказала мощное воздействие на все народы этой части земного шара. По представлениям вавилонян, весь мир окружен безбрежным космическим океаном (сравним с этим библейские первозданные воды, охватывающие землю и небо снизу и сверху). Кроме него

¹ Павел, очевидно, имеет в виду самого себя; упоминание о себе в третьем лице — характерная стилистическая особенность новозаветных сочинений.

существует и земной океан, в центре которого помещается населенная людьми земля, имеющая вид круглой горы с семью уступами. Под земным океаном располагаются два подземных царства. В первом из них властвует бог Эа, а второе, нижнее, представляет собой преисподнюю, куда после смерти отправляются умершие. Здесь, в огромном дворце, окруженном семью толстыми стенами, правит царица Эрешкигаль, возглавляющая сонм подземных богов Ануннаков. Наконец, небеса, густо населенные богами и всевозможными духами, простираются над землей людей наподобие свода и состоят из трех (по другому варианту — из семи) слоев.

Так же как в вавилонской и библейской космологиях, на три части — небо, землю и преисподнюю — делят мироздание и мусульманские богословы. Коран сообщает, что небо было создано Аллахом в течение двух дней. Более поздние сочинения добавляют фантастические подробности: первоначальная материя под взглядом бога будто бы превратилась в воду, которая, закипев, стала паром. По всевышнему повелению сгустившийся пар образовал семь небес, каждое толщиной в пятьсот пятьдесят лет пути и располагающееся одно над другим. Все семь небес имеют свое предназначение, свой цвет и качества, населены ангелами соответствующих разрядов.

Однако только этим небесная топография верхних этажей вселенной не исчерпывается. Согласно мусульманской традиции, над верхним, седьмым, небом простирается океан, над которым помещается рай. Сотворенный Аллахом из света, он в свою очередь делится на восемь ярусов. Подобно небесам, каждый из ярусов рая имеет свое наименование и отличается присущими ему особенностями. В Коране одно из обозначений рая — «джанна», то есть буквально «сад», но, согласно более поздним источникам, он имеет черты, сближающие его с небесным городом: в раю есть дома и улицы, в него ведут несколь-

ко ворот. Удовольствия, ожидающие там праведников, носят полностью чувственный характер: это — наслаждение райской пищей и питьем, любовью небесных красавиц — гурий. Высшее блаженство ожидает удостоенных попасть на самый верхний этаж рая, ибо непосредственно над ним располагается трон самого Творца вселенной.

Подобно семи небесам, земля также делится на семь этажей, каждый из которых отделен от другого воздушным пространством. На верхнем из них, обращенном своей поверхностью к нижнему небу, обитают люди. Чем ниже располагается ярус земли, тем больше он походит на ад. Но собственно мусульманский ад, именуемый в Коране словом «джаханнам» (арабизированная форма древнееврейского «геенна»), находится еще ниже. Он также разделен на семь этажей, промежутки между которыми составляют сто двадцать лет пути. Первое из отделений ада предназначено для лицемеров, во втором подвергаются мучениям египетский фараон и его приближенные¹, в третье помещены безбожники, четвертое отведено для колдунов и чародеев, в пятом мучаются христиане, в шестом — звездопоклонники. Наконец, седьмое, самое нижнее отделение ада предназначено для последователей Аллаха, сбившихся с пути и совершивших те или иные грехи. Для шести верхних этажей ада наказания в основном связаны с огнем, тогда как самый нижний ярус отличается необычайным холодом. Кроме того, сообщается, что муки нижнего ада самые легкие, видимо, потому, что в нем заключены мусульмане, которым, несмотря ни на что, все же не отказано окончательно в надежде рано или поздно попасть в рай, после того как они искупят свои прегрешения в адских муках.

Итак, мусульманская космология, как она изложена в поздних источниках (в самом Коране ее основы только

¹ Этот мотив заимствован исламом из иудаизма: по Библии, фараон чинил всяческие козни евреям во время их пребывания в Египте.

намечены), делит мироздание на двадцать девять этажей. Столь сложная система, безусловно, результат искусственной разработки изначально более простой трехчленной схемы. Более того, в значительной части мусульманская картина мира попросту заимствована из позднего иудаизма. Вместе с тем, вероятно, нельзя отрицать и того факта, что заимствованные элементы органично наложились на принципиально сходные представления о многоэтажной вселенной, искони известные арабам.

Космос Данте и гармония сфер

Древние религиозно-мифологические представления о вселенной были унаследованы средневековьем. Как в западных, так и в восточных странах появилось большое число разнообразных трактатов, развивающих и углубляющих древнюю картину многоярусного мироздания. Их авторы опирались, с одной стороны, на натурфилософскую традицию, шедшую из античности и пытавшуюся рациональными средствами объяснить окружающий мир. Другим источником такого рода космологических построений служили мифологические предания, фольклор, а зачастую и просто собственная фантазия авторов. Со временем концепция многоэтажной вселенной обросла множеством удивительных подробностей и деталей. В своем наиболее полном и разработанном виде она нашла отражение в «Божественной комедии», принадлежащей перу великого итальянского поэта и мыслителя Данте Алигьери (1265—1321). В этом монументальном произведении Данте подробнейшим образом описывает свое воображаемое путешествие по иному миру, совершенное им под руководством задолго до того умершего римского поэта Вергилия. Поэт рисует грандиозную картину гармонического космоса, размышляет над судьбой и природой человека, в конечном счете ищет смысл человеческого бытия. Но нас в данном случае интересует

не столько содержание этого гениального произведения мировой литературы, сколько его форма, отражающая миросозерцание эпохи средневековья.

Путешествие Данте начинается с осмотра ада, который в «Божественной комедии» изображается как подземная воронкообразная пропасть; сужаясь, она доходит до центра земли. Склоны пропасти опоясаны кольцеобразными уступами — знаменитыми дантовыми кругами ада. Всего этих кругов девять. Восемь из них связаны с тем или иным персонажем или реалией античной мифологии (Лимб, Минос, Цербер, Плутос, Стигийское болото, Минотавр, Злые Щели, Коцит). В первом, самом ближнем к земле, круге ада, Лимбе, пребывают души младенцев, умерших некрещенными, а также добродетельные мужи древности (в том числе Адам и ветхозаветные праведники), жившие до появления Христа и потому оставшиеся во мраке язычества. Однако поскольку их вина невольна, страдания их наиболее легкие среди адских мук. Все человеческие грехи, за которые на том свете полагается наказание, Данте распределил по прочим кругам ада: в их числе сладострастие, чревоугодие, скупость, расточительство, гневливость, ересь, различные виды насилия и др. Восьмой круг ада в свою очередь делится на десять рвов, где мучаются мздоимцы, лицемеры, прорицатели, воры, лукавые, фальшивомонетчики и им подобные. Самый нижний, девятый круг, именуемый Коцитом по расположенному там ледяному озеру (сравним самый нижний, ледяной ад в мусульманской мифологии), состоит из четырех поясов и включает в себе предателей всех сортов (например, библейского братоубийцу Каина). Еще ниже находятся три пасти Люцифера, терзающие самых гнусных из грешников — Иуду, предавшего Христа, и Брута с Кассием, убивших Юлия Цезаря, то есть покусившихся на установленную самим богом царскую власть.

В Южном полушарии Земли, посреди Океана, прямо

над адом возвышается чистилище — особое место, куда после смерти попадают все души умерших, чтобы затем пойти оттуда либо в ад, либо в рай¹. Чистилище у Данте имеет вид огромной горы с усеченной вершиной, на которой помещается земной рай (согласно библейской легенде, сад Эдема, где первоначально жили прародители человечества — Адам и Ева, находился на земле). Нижняя часть этой горы образует предчистилище, а верхняя, как и ад, разделена на ярусы, только число их семь. Наконец, в небесной выси располагается третья структурная часть дантовой вселенной — рай. Он также делится на этажи: первый, самый нижний, — это небо Луны, за ним следуют небеса прочих светил — Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна. Над всеми ними помещается восьмое, звездное небо, а еще выше — кристальное небо, именуемое перводвигателем, ибо оно приводит в движение все другие небеса. Превыше же всего — десятое небо, Эмпирей (от греч. «пламенный»), пребывающее вечно неподвижным и служащее обителью бога.

Деление неба на сферы в соответствии с планетами встречается не только у Данте и не только в средневековой Европе. Можно было бы привести много примеров, но ограничимся одним. В известной поэме «Семь красавиц», написанной в конце XII в. великим азербайджанским поэтом Низами, семь самостоятельных новелл. Каждая из них рассказывается от лица одной из семи жен главного героя — Бахрама. Жены живут в особых дворцах, цвет которых соответствует определенному дню недели и планете, покровительствующей этому дню. Порядок их таков: суббота — черный цвет — планета Кейван (Сатурн), воскресенье — желтый цвет — Солнце, понедельник — зеленый цвет — Мах (Луна), вторник — красный

¹ Представление о чистилище принято католической церковью, но отрицается в православии.

цвет — планета Маррих (Марс), среда — синий цвет — планета Утарид (Меркурий), четверг — сандаловый цвет — планета Муштари (Юпитер), пятница — белый цвет — планета Зухра (Венера). Одеваясь в одежды соответствующего цвета, Бахрам каждый день посещает один из дворцов и выслушивает одну из историй. Его путь символически означает движение вверх по небесным этажам, от грубой чувственности к идеальной любви, от незнания (черный цвет) к знанию (белизна).

Космологические представления, легшие в основу концепции небесных сфер, восходят к античности. Широкую известность они получили благодаря чрезвычайно популярному в древности и средневековье сочинению «Альмагест», написанному греческим математиком и астрономом Клавдием Птолемеем (II в.), автором геоцентрической системы мира, согласно которой в центре мироздания покоится земля, а вокруг нее обращается твердый сферический небосвод. Каждая из планет и светил находится на определенном расстоянии от земли и помещается на своей собственной сфере. Авторитет Птолемея оставался незыблемым в течение чуть ли не полутора тысяч лет, вплоть до гениального открытия Коперника, заложившего основы современных научных представлений о строении вселенной.

Но и Птолемей в своем геоцентризме и учении о сферах не был вполне оригинален. За много столетий до него подобную же концепцию развивал древнегреческий философ Платон. По учению Платона, бог-демиург, «дабы определять и блюсти числа времени», сотворил Солнце, Луну и пять планет, поместив их на семь кругов, по которым они и совершают свое обращение. Ближе всех к земле расположен круг Луны, затем идут круги Солнца, Утренней звезды (Венера) и Гермеса (Меркурий). Космос в целом сферичен и замкнут. В одном из своих сочинений Платон приводит интересный миф. Некто по имени Эр, побывавший на том свете и вернувшийся оттуда невреди-

мым, рассказывает, что видел космическое веретено богини Ананки (буквальный перевод этого имени — Необходимость). Ось веретена — это «ось мира», а само оно образовано восемью вложенными друг в друга полусферами. Ананка вращает его между своими коленями, приводя в движение вселенную. Веретено является моделью мира, его устройство отвечает сферическому строению космоса (семь планетарных сфер плюс сфера неподвижных звезд). Каждая сфера имеет свой цвет, соответствующий цвету ее планеты, ей приписывается определенное числовое значение. Соотношение этих чисел образует гармонию космоса. Однако одними только числами космическая гармония не исчерпывается. На каждом из кругов веретена восседает мифическая сирена, издающая звук определенной высоты. Сочетание восьми звуков дает музыкальную октаву.

Еще до Платона учение о космической гармонии сфер разрабатывали пифагорейцы — последователи древнегреческого математика и философа Пифагора. Особое внимание ими уделялось числовым и музыкальным соотношениям сфер. Пифагорейцы утверждали, что, двигаясь сквозь эфир, планеты издают звуки в зависимости от своих размеров и скорости. Самый низкий звук принадлежит Сатурну, а самый высокий и пронзительный — Луне. Правда, из-за удаленности планет космическая музыка недоступна человеческому уху. По преданию, лишь Пифагор, отличавшийся чрезвычайно тонким слухом, мог воспринимать вселенскую мелодию сфер. Все эти сведения сохранились в изложении Аристотеля, считавшегося в средневековой Европе «королем философов». Благодаря этому идее гармонии сфер была суждена долгая жизнь, дань ей отдали многие, в том числе и серьезные астрономы. В ее реальности был искренне убежден, например, великий Кеплер.

Толчком, побудившим античных мыслителей заняться учением о небесных сферах, были естественнонаучные

наблюдения. В основу этой концепции легли размышления о причине и характере движения звезд и планет, поиски рационального объяснения устройства вселенной.

Выше было рассказано о космологических воззрениях народов, создавших высокоразвитую духовную культуру. Разработанные ими модели мироздания базировались на длительной мифологической традиции, творившейся многими поколениями жрецов и мыслителей. А как представляли себе вселенную народы, стоящие на иных, не столь высоких ступенях культурного развития?

По мифологии вьетнамских мыонгов, мир состоит из трех слоев. Средний из них называется Муонг Пуа, что дословно значит «равнинная земля». Это обитель людей. Над ней мыонги помещают «небесную землю» Муонг Клои, где правит Небесный владыка. В его распоряжении находится целый аппарат, состоящий из множества духов. Нижний мир делится на две отличные друг от друга части. Близкие по смыслу представления существуют и у даяков острова Калимантан. По их мнению, вселенная также имеет трехчастную структуру. Люди живут в центральной зоне космоса, на самой окраине которой располагается царство божества удачи. В подземном мире владычествует главное даякское божество — Пуланг Гане, — покровительствующее земледелию и дарующее людям урожай. Верхняя зона космоса — это обитель вещей птиц и бога войны Сенгаланг Буронга, имеющего облик коршуна или орла. К космологии даяков примыкает картина мира филиппинских ифугао, верящих в то, что ниже земли живых людей находится «иной мир», куда можно попасть через глубокие пещеры, а небесное пространство образует третий, высший этаж мироздания — царство духов.

Широчайшее распространение многоэтажная модель вселенной имеет в архаичных религиозных верованиях коренных народов Сибири. Так, обитающие на крайнем северо-востоке азиатского материка коряки в прошлом

считали, что вселенная состоит из пяти ярусов. Одна из народностей Дальнего Востока нашей страны, нанайцы, верила в то, что вселенная строится из девяти сфер — трех верхних, трех средних и трех нижних. Многоярусным представляли себе мироздание и кеты, небольшая и глубоко самобытная народность с берегов Енисея. Семиярусное небо, по представлениям кетов, — это выделанная шкура огромного оленя. В небесных мирах все так же, как и на земле: живут и ведут свое хозяйство небесные люди, подобные самим кетам. Иногда они спускаются на землю, но при этом остаются невидимыми для настоящих земных людей. Появление небесных пришельцев, как правило, приносит с собой беды и болезни, и поэтому земные шаманы с помощью специальных магических церемоний отправляют их обратно на небо.

У ненцев, живущих на северо-западе Сибири (а частично и в европейской части нашей страны), вселенная также делилась по вертикали на три зоны.

Остается сказать, что представления о вселенной как грандиозном многоэтажном сооружении на определенном этапе развития религии и мифологии были присущи чрезвычайно широкому кругу народов практически всего мира. Даже беглый обзор имеющихся свидетельств составил бы объемистую книгу. В развитых культурах эти воззрения уже давным-давно утратили свою актуальность, и их следы сохранились лишь в фольклоре.

* * *

Осмысление всего комплекса сведений позволяет подвести некоторые итоги. Прежде всего, не вызывает сомнения, что концепция многоэтажной вселенной универсальна, то есть самостоятельно появилась в самых различных культурах мира, а не исходит из какого-либо общего источника. Ее возникновение знаменует собой определенный этап развития религиозно-мифологических

представлений о вселенной. Очевидно и то, что это одна из наиболее архаичных космологических моделей, так как мы встречаем ее уже на весьма ранних стадиях религиозного сознания. В связи с этим примечательно, что картина мира, предлагаемая мировыми религиями, принципиально ничем не отличается от первобытных религиозных верований. Иначе выглядят лишь те или иные конкретные детали, образы, понятия, наслоившиеся за долгое время, общая же схема, в соответствии с которой мыслится устройство вселенной, та же, что и в архаичных представлениях. В то же время было бы ошибкой ставить здесь знак равенства. Функционируя в иных социальных и исторических условиях, мировые религии существенно трансформировали исходные, первобытные по сути воззрения. Важнейшим из привнесенных ими нововведений следует считать идею посмертного воздаяния, воплотившуюся в представлении об аде и рае. Акценты, которые в первобытных религиях только намечены, получают свое развитие и логическое завершение. Однако даже и в этом пункте наибольшего расхождения можно найти следы бывшего сходства: вспомним лишь, что тот же библейский нижний мир далеко не сразу превратился в ад христианской мифологии.

Сопоставление разных вариантов многоэтажной модели космоса дает возможность не просто говорить о ее универсальности, но и позволяет искать ее истоки. Где же они? Одно из существующих объяснений видит причину появления этой космологической концепции в наблюдениях древних за звездным небом. Согласно этой точке зрения, следя за движениями планет по ночному небу, люди в разных концах мира независимо друг от друга пришли к выводу о наличии нескольких небесных сфер-этажей — по числу планет и иных космических объектов (светил, звезд, комет). Этим же будто бы объясняется и особая роль числа «семь» во многих культурах мира, ибо «семь» — это число пяти планет, которые

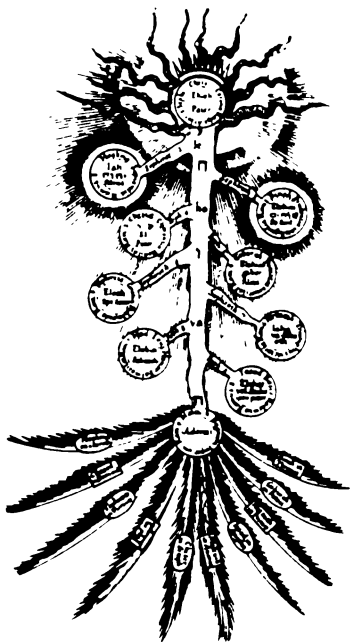
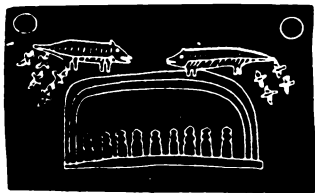
были известны людям в те далекие времена, и двух светил — Солнца и Луны.

Гипотеза как будто бы не беспочвенная. Но можно возразить, что представления о многоярусном небе встречаются и в культурах (преимущественно архаичных), вполне равнодушных к звездным тайнам (например, древние индийцы эпохи вед, судя по всему, не имели понятия о планетах). И как связать с планетами те модели, где небес не семь и не пять, а, скажем, три или два? Предположение, что человек, внимательно наблюдая за небом, заметил лишь две-три планеты и «пропустил» остальные, выглядит по меньшей мере странно. Далее. Как с такой точки зрения объяснить множественность нижних ярусов мироздания? Допустить, что они творились по аналогии с этажами небесного, «главного» мира? Допустим и это, но остается еще один, самый важный аргумент: совершенно ясно, что в основе многоэтажной модели лежит трехчленная схема — небо, земля, преисподняя. Из этого следует, что множественность небес и подземных миров — результат долгой эволюции. «Звездная» гипотеза, таким образом, права лишь отчасти, ибо вопрос, откуда взялось представление о трехслойной вселенной, она оставляет без ответа.

Можно, конечно, предположить, что понятие трехслойного космоса отражает повседневные представления о верхе, середине и низе. Но в таком случае совершенно неясно, почему столь обыденное наблюдение легло в основу сложных религиозно-мифологических построений. Объяснение должно быть иным. Если мы присмотримся к многоэтажной модели повнимательнее, то заметим, что миров в ней даже и не три, а, в сущности, два. Один из них — реальный, физический мир, в котором живут люди, а второй — фантастический, «иной» мир богов, духов и покойников. Такое подразделение лежит в основе всякой религии вообще и, по-видимому, является одной из древнейших идей первобытного сознания.

ОСЬ МИРА

Многоэтажная вселенная в мифологии — сложное сооружение, состоящее из самостоятельных миров, отделенных друг от друга теми или иными преградами и препятствиями. В то же время миры изолированы не полностью, они сообщаются между собой. С земли можно попасть на небо или спуститься в преисподнюю. Связующим элементом служит так называемая ось мира, пронизывающая все мироздание. Располагаясь, как правило, в самом центре вселенной, она является как бы главным опорным столбом, скрепляющим громоздкую машину космоса. Представления об оси мира зафиксированы у большинства народов земного шара. Вполне естественно, что в разных мифологиях ей приписывается разный облик. Однако из всего множества образов, созданных народной фантазией и обра-

ботанных религиозной мыслью, можно выделить несколько наиболее популярных. Самый известный среди них — образ мирового дерева.

Мировое дерево

В «Слове о полку Игореве» есть строки: «Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы». Все, казалось бы, здесь ясно: перед нами художественный образ — вещий певец Боян мысленно «растекается» по какому-то чудесному древу. Однако ясность эта обманчивая. Филологи и историки вот уже в течение полутора столетий не могут прийти к окончательному согласию относительно смысла этого отрывка. По одной из весьма убедительных точек зрения, слово «мысль» — здесь ошибка переписчика и вместо него следует читать «мысь», что на одном из диалектов значит «белка», а кроме того, родственно современному слову «мышь». Если так, то получается, что легендарный певец путешествует по некоему фантастическому дереву, последовательно обращаясь в трех животных — орла, белку и волка. Отметим, что каждое из них соответствует одной из трех зон мироздания: орел — небу, белка — среднему миру, волк — преисподней.

Образ когтистого зверька наподобие белки, передвигающегося вверх и вниз по волшебному дереву, хорошо известен русскому фольклору. Это — чудесный кот-баюн, чье прозвище происходит от слова «баять» — «рассказывать» (обратим внимание на сходство с именем Бояна). Этот кот расхаживает по золотому столбу, «идет вниз — песни поет, подымается вверх — сказки сказывает». Сказки кота-баюна наделены магической силой, ими он насмерть поражает своих врагов. В несколько измененном виде этот персонаж фигурирует и в зна-

комой каждому с детства поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...

Картина мира древних славян содержала представление о том, что в самом центре вселенной (а иногда, напротив, на ее окраине — «у лукоморья») возвышается гигантское дерево, чья макушка упирается в небеса, а корни достигают преисподней, что по чудесному дереву можно проникнуть в иные миры вселенной, по нему будто бы спускаются и поднимаются боги. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя читаем: «Есть где-то, в какой-то далекой земле такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и бог сходит по нем на землю ночью перед светлым праздником». В русских сказках часто встречается эпизод, когда герой по дереву попадает в небесное царство.

Священное дерево славянского язычества — это не только уменьшенная копия мироздания, но и его стержень, опора, без которой мир рухнет. В одной из старинных рукописей приводится следующий диалог: «Вопрос: Скажи мне, что держит землю? Ответ: Вода высокая.— Да что держит камень? — Четыре золотые кита.— Да что держит золотых китов? — Река огненная.— Да что держит тот огонь? —...Дуб железный, еже есть пер-
вопосажден от всегоже, корение на силе божьей стоит»¹.

К мировому дереву славян весьма близок космический ясьень Иггдрасиль скандинавской мифологии. Он считался связанным с божеством древних скандинавов — Одином. Корнями и кроной Иггдрасиль объемлет

¹ Цит. по: Щапов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия.— В кн.: Щапов А. П. Соч. СПб., 1906, т. 1, с. 105.

весь мир, именно на нем держатся небо, облака и звезды. У него три корня, один простерся на небо, второй — в средний мир, третий — в преисподнюю; под каждым из корней бьет чудесный источник. У этого мирового ясеня стоит великолепный храм, из которого выходят норны — богини, ведающие судьбой. Там же собираются на свой совет боги, чтобы вершить дела мира. У основания дерева живет космический змей Нидхёгг, на макушке сидит мудрый орел, а по стволу вверх и вниз бегает вещая белка.

Космический ясень «мелиа» был известен и древним грекам, а в одной из поэм римлянина Вергилия говорится, что его ветви простерлись по всему воздушному пространству, корни же проросли до мрачного тартара. Кроме того, большой популярностью пользовалось мировое дерево в мифах древних индийцев, веривших, что в центре вселенной растет дерево «ашваттха» (по другим преданиям — священная смоковница «пиппал»), оно служит опорой космоса и поддерживает его в устойчивом равновесии. Его корни уходят в первозданные воды, из которых некогда был сотворен мир. В то же время само дерево выступает источником священной влаги — напитка бессмертия, которым утоляют свою жажду великие боги. Древо охраняют сидящие на его ветвях птицеподобные гении. По мере усложнения образа возникло представление, что кроме земного дерева мира существует небесное вселенское дерево, корни которого в небесах, а верхушка свешивается к земле. Очень интересно, что о таком же опрокинутом мировом дереве говорится и в старинном русском заговоре, упоминающем волшебную березу, растущую «на море-окияне вверх корнями». Тот же образ можно встретить и в мифах некоторых сибирских народов.

По представлениям древних египтян, ось земли — это гигантское золотое дерево, вершиной упирающееся в самое небо. На его верхних ветвях растут драгоцен-

ные камни и живет небесная богиня Нут. Дождь, орошающий землю и проникающий в виде почвенных вод в подземный мир, происходит оттого, что чудесная птица Феникс ударяет крылами по ветвям этого священного дерева, и оно разбрызгивает свою живительную влагу. Поклонение мировому дереву было тесно связано с культом Осириса, бога плодородия и вечного обновления природы. Рядом с его гробницей росло дерево, на котором якобы в виде птицы восседала душа бога. На древнеегипетских изображениях можно видеть, как это мифическое дерево прорастает через всю гробницу Осириса, оплетая его своими корнями и ветвями. Более того, с деревом нередко отождествлялся и сам Осирис. Подобно древним индийцам и другим народам, египтяне верили в то, что почитаемое ими земное мировое дерево есть копия небесного дерева, растущего в верхнем мире. Другому древнему народу Ближнего Востока — финикийцам, населявшим побережье Палестины, вселенная рисовалась в образе гигантского шатра, поддерживаемого стоящим в его центре огромным деревом, подпирающим собой небосвод.

В существовании космического дерева были уверены и древние китайцы. Мифы помещали его далеко на востоке, в Долине света. Именно там из бурлящего моря вздымалась вверх колоссальная шелковица неохватной толщины. На самой ее макушке сидел чудесный петух, своим криком возвещавший наступление дня, отчего вся нечисть, бродившая ночью по земле, в спешке убиралась восвояси. На ветвях шелковицы обитали десять солнц, имевших облик золотых трехлапых воронов. Обычно они выходили освещать землю по очереди, но однажды отправились в путь все разом. Древний миф рассказывает, что вселенная едва не погибла от нестерпимого жара, но была спасена вмешательством могучего героя, который из лука уничтожил девять солнц-воронов, оставив в живых лишь одно. Сообщается и о деревьях, по

которым можно подняться на небо и спуститься в подземный мир, это — дорога богов и шаманов.

Майя и ацтеки в Центральной Америке также помещали в центре мироздания фантастическое Первое дерево мира.

Совершенно особую роль мировое дерево играет в архаичных шаманских религиях. Именно там его образ разработан детальнее всего. Шаманам приписывались многие сверхъестественные способности, одна из них заключалась в том, что они якобы могли путешествовать в иные миры к богам и духам. Делалось это с различными целями, но чаще всего для того, чтобы вернуть назад душу заболевшего, которую, как считалось, похищают духи, или вызнать у духов, за что они наслали на людей то или иное бедствие. Готовясь к такому воображаемому путешествию, шаман приводил себя в исступление, в состояние экстаза, для достижения которого он бил в бубен и танцевал, кружа на одном месте. В результате (прибавим сюда еще самовнушение) ему начинало казаться, что к нему являются его духи-помощники, с которыми он и трогался в дорогу. И здесь на первый план выступало мировое дерево, ибо именно по нему лежал путь на небо или в преисподнюю. С помощью дружественных ему духов шаман карабкался вверх или, наоборот, спускался вниз, до самых корней, и наконец попадал в иные миры.

Мировое дерево не только служило священной дорогой шаманов, но и считалось их колыбелью. Легенды сообщают, что на его сучках располагаются одно выше другого гнезда наподобие птичьих, там воспитываются души всех будущих шаманов. Чем выше гнездо, тем более сильный шаман родится оттуда. Сами «заклинатели духов» так и говорили о себе: «я — четвертого сука шаман», «он — седьмого сука шаман» и т. д. Ритуальные заместители вселенского дерева играли большую роль в шаманской обрядности. Особое дерево часто водружа-

лось перед юртами шаманов. Во время посвящения в шаманы испытуемый взбирался на дерево, что символически изображало его восхождение на небо. Специальное священное дерево избиралось и в качестве места для захоронения шамана: так он легче мог попасть на небо, чтобы затем вновь перевоплотиться в кого-либо из людей.

Волшебные свойства, которыми наделяется мировое дерево, не в последнюю очередь обязаны тому, что оно, как правило, находится в священном месте — центре космоса, который в мифах о творении играет чрезвычайно важную роль. Мировое дерево одним из первых появляется на клочке суши, возникающем среди необъятных вод первозданного океана. Под его сенью совершают свои первые шаги мифические прародители человечества. Читатель, конечно, уже вспомнил библейскую легенду об Адаме и Еве. Сотворенные богом по его образу и подобию, они некоторое время блаженствовали в райском саду, посреди которого возвышалось запретное для них дерево познания. Соблазненная змием Ева уговорила Адама вкусить вместе с нею запретный плод. Изгнанные из рая, падшие первопредки вступили в брак и положили начало человечеству.

У библейского мифа немало параллелей. Независимо друг от друга построенные по одной и той же схеме предания о родоначальниках людского рода, живших поблизости от мирового дерева и вступивших благодаря ему в брак, сложились у многих народов.

Вполне закономерно, что под мировым деревом, в центре вселенной, рождаются боги, герои и великие цари. Древнегреческий миф рассказывает, что младенец Зевс был вскормлен козой Амалтеей у подножия священного дерева. Под деревом родился и великий бог Древней Греции — Аполлон. Майя, мать Будды, гуляя в священной роще, почувствовала приближение схваток и родила «избавителя всех живых существ», схватившись

рукой за ветвь одного из деревьев. В буддийскую мифологию вошло также дерево бодхи, под которым Будда достиг просветления. Легендарный советник одного из великих царей Древнего Китая — И Инь, по преданию, был найден в дупле шелковицы, которая почиталась китайцами в качестве мирового дерева. Аналогичная легенда сообщает, что Чингисхана нашли в степи сосущим листья одиноко стоящего чудесного дерева.

Боги и мифологические персонажи не только рождаются, но и умирают под благодатной сенью мирового дерева. Из многих примеров приведем один, наиболее интересный. Евангелия, как известно, сообщают, что Иисус был распят на кресте. Но то, что переведено как «крест», в греческом оригинале везде обозначено словами «ставрос» — «столб» или «ксюлон» — «дерево». А это значит, что христианский «спаситель» был повешен (или прибит) на столбе или дереве. Более того, сами древние христианские легенды, отвергнутые впоследствии церковью, прямо говорят, что Иисус нашел свою смерть на священном дереве мира. Образы богов, подобным же образом ушедших из этого мира, распространены от Западной Европы до Центральной Америки. И это лишнее доказательство огромной популярности и значимости представлений об оси мира в облике всеенского дерева.

Космическая гора

Люди издревле поклонялись горам, культ которых насчитывает многотысячелетнюю историю. Обожествляя горы, человек наделял их самыми чудесными свойствами и, находясь среди них, соблюдал множество всевозможных запретов. Считалось, что в горах нельзя кричать, стрелять из ружья и вообще шуметь, там запрещалось разводить костры, рубить деревья, копать землю. Чтобы задобрить духов гор, на высоких перевалах, через кото-

рые пролегали тропы и дороги, устраивались особые жертвенные места. В Центральной Азии до сих пор сохранился обычай, по которому любой из проходящих мимо путников обязан положить на жертвенник камень, ветку, коробок спичек или какой-нибудь лоскуток — роль играет не столько ценность «приношения», сколько сам факт почтительного поклонения духам, признания их власти над собой. В древности вершины гор рассматривались как особо благоприятные места для воздвижения храмов.

По всей Центральной и Восточной Азии было широко распространено представление, что центральная и важнейшая опора мира — это мифическая гора Меру, расположенная в неприступном месте (обычно ее помещали где-то в Гималаях). Она не просто считалась центром космоса, в ней видели священную обитель богов. Мифы по-разному рисуют облик горы Меру. Буддистами она нередко изображалась как колоссальный цилиндр, устремленный в заоблачную высь. Порой ее описывали в облике пестика лотоса, священного цветка индийских религий. Уподобление космической горы растению, то есть в конечном счете тому же мировому дереву, весьма интересно. Необычно то, что основание и вершина как бы меняются местами, создавая впечатление, что гора словно растет с неба. Наиболее традиционным было представление о Меру как о круглой или четырехгранной горе, постепенно сужающейся к вершине. В таком виде она изображалась на разнообразных предметах буддийского искусства.

Четыре грани приписывались мифической опоре мироздания не случайно. С каждой стороны горы стекало по одной мировой реке, питавшей своими водами вселенную. Эта деталь указывает еще на один аспект космического символизма Меру: ее четыре реки по своему смыслу равнозначны четырем океанам, которые, согласно древним индийским мифам, омывают мир. Одно из

преданий гласит, что по четырем сторонам от Меру находятся четыре самостоятельных мира, каждый из которых через определенный промежуток времени гибнет в мировом пожаре, вызванном одновременным появлением на небе семи солнц. В конце концов, по мифу, гибнет весь вообще космос, а вместе с ним и его незыблемая опора.

В алтайской мифологии, испытавшей на себе влияние буддизма, название мировой горы несколько видоизменено и звучит как Сумеру, под этим именем она известна и многим другим народам Центральной Азии.

Поклонение горам, реальным и мифическим, практиковали и древние китайцы. Любую возвышенность они считали местом священным, ибо там, по их представлениям, концентрировалась светлая сила ян, тогда как низины и впадины — это удел мрачного начала инь. С древности в Китае существовал культ пяти священных гор, располагавшихся на юге, западе, севере, востоке и в центре. Наибольшим почитанием пользовалась гора Тайшань (букв. — Великая гора), реально существовавшая и находившаяся на востоке страны. Она считалась покровительствующей императорскому дому, и Сыны Неба лично приносили ей жертвы. Как и в случае с индийской Меру, числовая символика китайских мировых гор имеет свой глубокий смысл: пять точек пространства, по которым они располагались, определяли структуру мифологического космоса.

Но больше всего китайцы чтили мифическую гору Куньлунь, центр земли. Они верили, что по ней можно проникнуть в высшие сферы мироздания. В одном из древних сочинений сообщается: «Кто с Куньлуня поднимется на вдвое большую высоту, достигнет горы Прохладного ветра и обретет бессмертие; кто поднимется еще вдвое выше, достигнет Висячей площадки и обретет чудесные способности, научившись управлять ветром и дождем; кто поднимется еще вдвое выше, достигнет

неба, обиталища Тай-ди — верховных владык, и станет духом»¹. Куньлунь мыслился чем-то вроде земного рая: с него стекали реки пяти цветов (в том числе и крупнейшая река Китая — Хуанхэ), там в изобилии произрастали всевозможные злаки.

Не меньшей популярностью культ священных гор пользовался и у народов Ближнего Востока. Его многочисленные следы мы обнаруживаем в Библии, содержащей немало упоминаний о том, что именно гора служит излюбленным местом пребывания бога. В библейской книге Исход рассказывается следующая история. Во время сорокалетнего странствования евреев по пустыне в «землю обетованную» их предводитель Моисей лично встречался с богом (за это церковь позднее удостоила его прозвания «боговидца»). Встреча произошла на вершине горы Синай, которая в это время была окружена ослепительным сиянием небесного огня, сопровождавшимся страшным грохотом. В качестве другой священной горы, обители бога, в Библии неоднократно называется Сион — холм, на котором располагался иерусалимский храм, служивший символом единения евреев.

Библейские тексты дают основание утверждать, что на горе находился и рай. По книге Бытие, сад Эдема располагался просто «на востоке», но Иезекииль (28:13—16) вносит уточнение, помещая его на горе. По всей видимости, с раем отождествляется и священная «гора господня», о которой в одном из псалмов (Пс., 23:3—5) сказано, что взойти туда сможет лишь праведник с «руками неповинными и сердцем чистым». Не менее интересно и библейское повествование о том, что из рая вытекает река, разделяющаяся затем на четыре потока, которые своими водами орошают всю землю (Быт., 2:10). Их названия — Фисон, Гихон, Хиддекель (Тигр) и Евфрат.

¹ Цит. по: Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М., 1977, с. 194.

Как и в случае с индийской Меру и китайским Куньлунем, откуда также стекают великие реки, райские потоки Библии — это переосмысленный образ Мирового океана, с четырех сторон омывающего космическую гору.

Из древнееврейской религии представление о космической горе перешло в христианство. В этом легко убедиться, обратившись к Новому завету. При чтении евангелий бросается в глаза, что вся мифическая деятельность Иисуса оказывается тесно связанной с горами. Проповедует он чаще всего именно с горы: одна из самых известных его проповедей, содержащая нравственный кодекс христианства, так прямо и называется в христианской литературе — Нагорной. Опять-таки с горы Иисус произносит грозные пророчества о скором конце мира (Матф., 24:3 и след.), на горе же происходит чудо преображения. В Гефсиманском саду на Елеонской горе он молится накануне своей казни, чтобы бог-отец пронес мимо него «чашу сию». Само распятие происходит на холме под названием Голгофа, в образе которого отчетливо прослеживаются космические черты. Наконец, Деяния апостолов (1:12) сообщают, что с уже упомянутой горы Елеонской состоялось и вознесение будто бы воскресшего после смерти Иисуса.

Какова сердцевина, ось мироздания, таково и оно само. Уже говорилось, что мировое дерево моделирует собой устройство вселенной. То же самое в полной мере относится и к горе. Мировая гора часто изображалась с тремя или пятью вершинами. Смысл этого прост. Как мы помним, опор неба иногда насчитывается не одна, а три или пять: одна в центре и по одной на западе и востоке или же по всем четырем сторонам света. Соединение трех или пяти гор в одну говорит о том, что весь мир как бы сконцентрирован в одной-единственной центральной горе, являющейся обобщенным образом вселенной.

Еще нагляднее сказанное иллюстрируется на примере

мусульманской картины мира. По мифологии ислама, земля первоначально была очень неустойчивой, постоянно содрогалась и обращалась с жалобами к Аллаху. Смиловитившись, тот сотворил огромную гору Каф, кольцом окружающую обитаемый мир и прочно подпирающую вселенную. Если, отбросив детали, выявить суть, то окажется, что мир, населенный людьми, находится внутри космической горы, то есть сама она и есть вселенная.

Соответственно, и рождение мира рисуется в мифах как появление из вод первобытного океана первозданной горы. Древнеегипетские жрецы учили, что во время миротворения из хаотической водной стихии чудесным образом появился божественный холм по имени Атум, это и была первая земля.

По мере утраты мифами своего значения в жизни людей они превращались в сказки и суеверия, сохранившие следы древнего мирозерцания.

Храм вселенной

Самое прямое отношение к мировому дереву и космической горе как мифологическим воплощениям оси мира имеют разнообразные религиозно-культовые сооружения: алтари, кумирни, часовни — вообще всякие святилища и конечно же храмы. Употребляя сегодня выражение «храм природы», мы и не подозреваем, насколько буквальный смысл некогда вкладывался в него. Было время, когда вселенную в самом деле представляли в виде колоссального храма, основание которого — адская бездна, а крыша — небеса, где человек всего лишь жертва, а сама жизнь — не более чем вечная литургия, бесконечное служение непостижимому божеству.

Первоначально религиозное сознание населяло духами весь мир. Для общения с ними вовсе не обязательно было удаляться в особое помещение, ибо природные

божества предпочитали природные же убежища — во-
доемы, скалы, деревья. Там с ними и беседовали и при-
носили им жертвы прорицатели и шаманы. Но по мере
того, как сам человек, удаляясь от первобытного сос-
тояния, переселялся из пещер и шалашей в более
прочные и добротные жилища, по мере выделения из
сонма бесчисленных духов великих богов, последние
постепенно также стали перебираться в специально
сооружавшиеся для них святилища. Как и у людей, у бо-
жеств должны быть свои жилища, но только гораздо
лучшие — грандиозные и великолепные. И еще один
важный момент: если в эпоху первобытности каждый сам
мог общаться с духами, принося им жертвы по своему
усмотрению, то бог, живущий в храме, доступен лишь
через посредничество прислуживающих ему жрецов,
возвещающих его волю народу.

Храм — это не просто дом, хотя бы и принадлежа-
щий божеству. Поскольку настоящая обитель бога —
это все-таки вселенная, постольку и его материальное
жилище, в котором он при совершении надлежащих
религиозных обрядов является людям, должно быть
точным подобием мироздания. Полнее же всего сущ-
ность космоса проявляется в его сердцевине, оси мира,
служащей как бы конспектом вселенной. Этим объясня-
ется тесная мифологическая связь храмов с мировым
деревом и космической горой.

В эпоху средневековья монастырские сады рассмат-
ривались как символическое подобие райского сада.
В их сени удалившиеся от мира монахи молитвами и бла-
гочестивыми размышлениями готовили себя к вечной
жизни в настоящем раю. В более глубокой древности
примерно ту же роль играли священные рощи, распо-
лагавшиеся близ знаменитых храмов. Растущие там де-
ревья рассматривались как воплощение божеств. Порой
храмы строились не просто поблизости, но прямо на ме-
сте, где раньше росло дерево, почитавшееся в качестве

мирового. Так, одно из древнейших буддийских святилищ Индии возведено будто бы на месте священного дерева, под ветвями которого, по преданию, некогда достиг просветления Будда. Порой форма вселенского дерева придавалась самим религиозным сооружениям.

Еще более популярным было уподобление храма космической горе. В этой связи нельзя не вспомнить древнеегипетские пирамиды, буквально воспроизводящие ее своим обликом. Правда, пирамиды — это не храмы, однако могут быть сближены с ними по своему значению, ибо представляют собой вечную обитель фараона, при жизни считавшегося воплощением верховного бога, а после смерти — Осириса. Сходством лежащих в основе космологических идей следует объяснить, почему возводили пирамиды и носители исчезнувших цивилизаций Центральной Америки, никогда не имевшие контактов с древними египтянами. И там и тут жрецы независимо друг от друга пришли к мысли увековечить в циклопических каменных сооружениях свои представления об устройстве мира, главным среди которых был образ космической горы, на чьей вершине боги общаются с людьми.

Если египетские пирамиды служили усыпальницами для мертвых властителей, то в Вавилоне аналогичные по форме сооружения, именовавшиеся зиккуратами, использовались как храмы. Древние тексты прямо свидетельствуют, что космический символизм зиккуратов вовсе не пустая гипотеза. Об одном из древних царей, построившем такой храм, надписи говорят:

Храм подобный горе он воздвиг;
Подобно священному дереву бездны возвысил его над странами;
Этот храм, подобно горе, в небе и на земле он поднял к небу¹.

Поскольку храм и мировая гора отождествлялись,

¹ Цит. по: Parrot A. Ziggurats et tour de Babel. Paris, 1949, p. 18.

неудивительно, что строительство святилища по своему смыслу приравнялось к акту сотворения мира. И наоборот: мировая гора, первой возникшая из океанской пучины, мыслилась как основание храма. По уже упомянутому древнеегипетскому мифу, вселенная появилась после того, как из хаотических вод поднялся первохолм, ставший затем землей. Традиция утверждала, что этот холм находился под храмом бога Солнца в Гелиополисе. Позднее святая святых каждого египетского храма считалась покоящейся на первохолме. Об одном из них в IV в. до н. э. писалось: «Этот храм возник, когда еще ничего не существовало, и земля лежала во мраке и темноте».

Подобные же легенды бытовали в Тибете. По одной из них, на месте тибетской столицы Лхасы во времена язычества было большое озеро. Когда один из тибетских царей, приняв буддизм, решил построить храм, то бросил в озеро кольцо, чтобы определить счастливое место. Тотчас в центре водоема сам собой поднялся храм. Затем, насыпав камней, люди соорудили вокруг него остров, пригодный для обитания. Еще в начале нашего века в главном храме Лхасы находилась каменная плита, замыкавшая, по уверениям монахов, ключи озера. Каждый год во время религиозных празднеств ее поднимали и бросали в дыру жертвы дракону, живущему в глубине. Монахи даже показывали верующим маленьких дракончиков, живших в священном пруду (по словам европейских путешественников, это были всего лишь тритоны или саламандры).

Помещение хаотических первобытных вод прямо под основанием святилища закономерно, ибо, по широко распространенным представлениям, храм — это то место, где сходятся все три зоны мироздания. Он будто бы соединяет небо с преисподней. Как мы помним, именно это составляет существо понятия оси мира. Первоначальный смысл такой характеристики храма, по всей види-

мости, заключался в том, что в первую очередь туда спускались небесные и поднимались подземные божества, именно из храма молитвы достигали неба, а проклятия — преисподней.

Символизируя дерево или гору, храмы были как бы исходной точкой движения вверх, в мир богов. На позднем этапе общение с божеством стало мыслиться в отвлеченной форме: неба достигали не сами верующие, а лишь их молитвы, возносимые в святилище. Первоначально же контакт с богами понимался буквально: для встречи с высшими силами необходимо было совершить восхождение в небесные чертоги, материальным воплощением которых служили вершины храмов-пирамид, храмов-гор. Этим объясняется особое символическое значение храмовых лестниц, считавшихся священными, ибо они вели к божеству. В вавилонских, а также построенных позднее по их образцу древнеиранских храмах таких лестниц было, как минимум, две: никто из священнослужителей и паломников не смел возвращаться с «небес» в бренный земной мир той же дорогой.

Путь в священную обитель богов не так-то прост, на нем человека подстерегает множество опасностей. Это нашло свое символическое выражение в оформлении храмов, мыслившихся средоточием вселенной. Обратим внимание на одну примечательную особенность: лестницы и ворота многих древних храмов украшены скульптурами и изображениями животных. У входа в буддийские святилища это пара львов, в индуистских — фантастический морской монстр «макара». Наиболее же излюбленный образ — чудовищный змей. В оформлении храмов мы встретим его повсюду — от Индонезии до Центральной Америки. Клыкастая змеиная пасть с разверстым зевом украшает фронтоны, фасады и ворота святилищ. В виде извивающегося тела змея оформлены перила храмовых лестниц. Многоликий змей присутствует в самых разных элементах культовых сооруже-

ний. Первое из объяснений, приходящих в голову, состоит в том, что змеи и чудища в декоре храмов призваны отпугивать нечисть, не пускать ее на порог священного места. И это в самом деле так. Но при всем том здесь кроется смысл еще более глубокий. Поднимаясь по лестнице в виде змея и вступая в ворота, оформленные как пасть этого ужасного пресмыкающегося, человек символически поглощается им, попадает в его утробу.

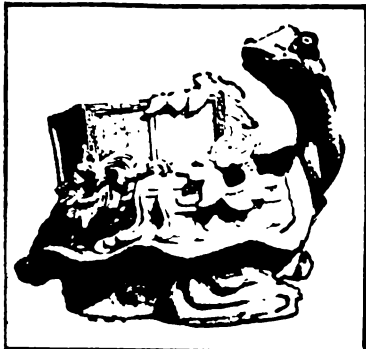
Чтобы лучше понять суть подобной символики, обратимся к наиболее архаичным религиозным традициям, где ее исконное значение еще не забыто. У многих племен мира до недавнего времени существовал так называемый обряд инициации, которому подвергались юноши и девушки, достигшие зрелости. Удаляясь в лес или какое-либо иное уединенное место, они проходили суровые испытания на выносливость и смелость, под руководством старших изучали магию и племенные мифы. Важнейшим и универсальным элементом этого обряда, следы которого обнаруживаются у огромного числа народов (вплоть до русских народных сказок), является ритуальное умерщвление посвящаемого: его символически, то есть только по видимости, разрубают, разрезают, разрывают на куски, а затем он чудесным образом оживает в новом качестве уже не подростка, а полноправного члена общества. Чаще всего ритуальное умерщвление инсценируется как поглощение юноши мифическим зверем — обычно змеем или крокодилом. Это объясняет символизм храмового декора. Вступая в дверь, оформленную в виде змеиной пасти, верующий как бы поглощается космическим существом, на время «умирает» для мирской жизни, чтобы «родиться» в новом духовном качестве, необходимом для общения с богом.

Уже этруски, а за ними древние римляне считали, что храм символически воплощает в себе три зоны мироздания — небо, землю и подземный мир. Еще деталь-

нее эта космическая символика была разработана на Востоке. Одно из «чудес света» — колоссальный храмовый комплекс Боробудур (Индонезия, VIII—IX вв.), шедевр культовой архитектуры, представляет собой точную копию мифологической вселенной. В основе его горизонтальной геометрии лежит число «пять», составленное из четверки (по числу стран света) и единицы (центр). Если смотреть на памятник с высоты (вблизи он слишком огромен), то он производит впечатление гигантской горы с выдающейся вверх центральной вершиной, которая символизирует космическую гору Меру. По вертикали все грандиозное сооружение делится на три зоны, соответствующие трем сферам мироздания. С соблюдением тех же принципов построен и другой знаменитый храм Юго-Восточной Азии — кампучийский Ангкор Ват (XII в.).

Храм воспроизводит вселенную не только архитектурой, но и своими украшениями — фресками, иконами, скульптурами, резными рельефами, которые располагаются не беспорядочно, а по заранее продуманному плану. Перед посетителем святилища как бы разворачивается грандиозная панорама: от сотворения вселенной до ее гибели (например, страшный суд на христианских иконах). Культовые изображения живописуют этапы мифологической истории космоса, уделяя особое внимание человеку. Грехи, пороки, добродетели, грозные кары и воздаяние представлены в самой наглядной форме.

Являясь для религиозного сознания центром духовного притяжения, храм вместе с тем мыслился и как центр вселенной, средоточие земли и неба, «пуп земли», священная ось мира. Попадая в храм, всем своим обликом имитирующий мироздание в миниатюре, человек бессознательно впитывал религиозно-мифологические представления о происхождении и устройстве космоса.

ЗООМОРФНАЯ МОДЕЛЬ

Мифологическое сознание часто наделяло вселенную либо обликом, либо теми или иными чертами различных животных, что можно определить понятием «зооморфная модель»¹. Это и понятно. Животные играли в жизни древних огромную роль. Существовавшая зачастую за их именно счет, человек не просто обожествлял животных, суеверно приписывая им самые чудесные и сверхъестественные свойства, но и возводил их в ранг космических существ, образующих собой мироздание и занимающих в его системе одно из важнейших и значительнейших мест.

Опора мироздания

Отличительной чертой всех без исключения арха-

¹ Зооморфный в переводе с греч. значит «имеющий облик животного».

ичных религиозно-мифологических воззрений является неодолимое тяготение к конкретности. Ограниченный и однообразный опыт повседневного бытия, состоявшего главным образом из изнуряющей борьбы за выживание, давал весьма мало возможностей для формирования абстрактных понятий. Каждой отвлеченной категории или представлению придавался наглядный и осязаемый облик. Например, зло олицетворялось в виде реально существующего дьявола, черта или иного злобного существа; время рисовалось в образе бога, имеющего тело, разум, волю. Точно так же обстояло дело и с десятками и сотнями других абстрактных понятий (справедливость, любовь, вражда, душа, смелость и т. д. и т. п.). Все они в конечном счете мыслились как нечто такое, что при желании и соблюдении определенных религиозных предписаний можно увидеть, услышать, потрогать руками, то есть ощутить физически, как вещь.

Несовершенный опыт говорил, например, человеку, что ни один из реальных предметов не может держаться «ни на чем», одно лишь предположение об этом казалось абсурдным. Распространяя же данные своего повседневного опыта на вселенную, человек в соответствии с логикой здравого смысла приходил к убеждению, что, как и все в этом мире, мироздание должно покоиться на определенной опоре. Но за этим сразу же вставал другой каверзный вопрос: а эта опора, на чем, в свою очередь, покоится она? Ведь не может же она «висеть в пустоте». Приходилось изобретать еще одну подпорку, а за ней еще и еще, что приводило к допущению целого последовательного ряда опор мироздания.

Так в соответствии с мусульманской картиной мира, вселенная опирается на голову ангела, но поскольку его ноги висели в пустоте, Аллах велел принести из рая красный рубин и подложить его под ноги ангела. Но так как и для рубина нужна была опора, из рая был приведен

фантастический по размерам бык (одни лишь его рога равнялись по длине пространству от основания семи земель до небесного свода), между лопатками которого и был помещен чудесный камень. Для поддержки быка Аллах сотворил огромное судно длиной в пятьсот пятьдесят лет пути. Судно же, в свою очередь, было помещено на спину гигантской рыбы по имени Лабонадор. Специально для нее создано было космическое море, ниже которого вновь находился воздух.

Но и такое детальное объяснение не вполне удовлетворяло привыкшее к наглядности и завершенности сознание, которое с трудом могло представить себе, как это вода держится на воздухе. Оставалось апеллировать к сверхъестественным силам, прибегая к последнему аргументу: вселенная держится волею божества, которое в силу своего всемогущества и сверхъестественной природы не нуждается ни в какой опоре и поддержке, обретая их в самом себе.

Поскольку мироздание — вещь громоздкая и тяжелая, ее опора должна быть соответствующей по мощи и габаритам, а кроме того, обязана обладать сверхъестественными качествами. Ориентируясь на эти установки, мифологическая мысль выбирала для этой роли животных, и не каких-нибудь, а поражающих воображение своими размерами и силой. Этим объясняется, почему, по широко распространенным в древности и средневековье представлениям, вселенная считалась покоящейся на спинах слонов. Зародилось это мнение в Древней Индии и уже оттуда проникло на Запад. По разным вариантам легенды, число слонов разнится, но чаще всего их насчитывается семь или четыре.

Семь космических слонов древние индийцы насчитывали потому, что семерка считалась счастливым, совершенным, магическим числом. Что же до четверки, то ее значение определялось четырьмя странами света. Полагали, что каждый из четырех углов вселенной должен

иметь свою опору: слон Айравата, принадлежащий богу Индре, поддерживал восток; Махападма, слон Ямы, подпирает юг; Вамана, подчинявшийся Варуне, находился на западе; Сарвабхаума, слон Куберы, помещался на севере.

Другим могучим животным, претендовавшим на роль опоры мироздания, был бык, издавна служивший символом неукротимой мощи, а кроме того, служивший верным помощником человека во всякой тяжелой работе. Так, киргизы в старину полагали, что земля утверждена на огромном сивом быке. Те же представления зафиксированы и у многих других тюркских народов от Поволжья до Кавказа и Крыма. Считалось, что бык, устав держать землю, перемещает ее с одного рога на другой, отчего и происходят землетрясения. По одному из вариантов этого поверья, один рог быка уже сломился под тяжестью вселенной, когда же сломается и другой, наступит конец мира. В других же легендах гибель вселенной связывается с определенным числом вздохов, отпущенных богом на долю космического быка: когда он сделает свой последний вздох, вселенная погибнет.

Еще шире распространены легенды, по которым опора мироздания представлялась в облике одной или нескольких гигантских рыб, плавающих в мировых водах. По бурятскому мифу, создавшая вселенную Мать-Божество, сама собой зародившись у основания золотой ивы, сотворила из морских пучин могучую рыбу Кита и водрузила на ее спину землю. В других бурятских легендах порода рыбы не уточняется, упор делается только на ее колоссальные размеры. В эпических сказаниях якутов также упоминаются мифические «железные рыбы подземных морей», несущие на себе мироздание. По алтайским поверьям, добрый дух Ульгень, сотворивший вселенную, утвердил землю на трех рыбах, именуемых «кер-балык»; одна из них находится в центре

и две по бокам. Центральная рыба — самая главная, головой она обращена к северу, а под жабры зацеплена крюком на аркане, конец которого закреплен на небесах. За тем, чтобы все было в порядке, следит богатырь Мангды Шире: стоит ему ослабить аркан, как земля может, накренившись к северу, превратиться в болото или даже вообще утонуть в водной пучине.

Картина мироздания эвенков помещает под крайней землей нижнего мира подземное море, по которому плавают четыре огромные мифические рыбы — две щуки и два окуня, на их-то спины и опирается земля. В мордовской мифологии бог Нишке, сотворивший космос, пустил в Мировой океан трех могучих рыб, поддерживающих мироздание. Согласно традиционным верованиям японцев, земля покоится на спине гигантского сома «номадзу» или же, по другому варианту, — на огромных китах. Разрушительные землетрясения, периодически сотрясающие Японские острова, объяснялись тем, что время от времени космические рыбы приходят в движение.

Аналогичное представление о том, что «земля стоит на рыбе», вероятно занесенное с Востока, встречаем и в русских духовных стихах, имевших в свое время широкое хождение в народе. В качестве опоры земли они называют Тит-рыбу или Кытра-рыбу. По книжным же сказаниям, популярным некогда на Руси, земля держится на «великорыбии» или «огнеродном ките». В любимой народом «Голубиной книге» читаем: «А кит-рыба — всем рыбам мати.— Почему та кит-рыба всем рыбам мати? — Потому та кит-рыба всем рыбам мати,— на семи китах земля основана»¹. Один из известных исследователей русского фольклора, А. Н. Афанасьев, писал по этому поводу: «Между нашим простонародьем существует предание, что мир стоит на спине колоссаль-

¹ Бессонов П. Калики перехожие. М., 1862, с. 20.

ного кита, и когда чудовище это, подавляемое тяжестью земного круга, поводит хвостом,— то бывает землетрясение. Иные утверждают, что исстари подпорою земли служили четыре кита, что один из них умер, и смерть его была причиною всемирного потопа и других переворотов во вселенной; когда же умрут и остальные три, в то время наступит кончина мира. Землетрясение бывает оттого, что киты, отлежав бока, повертываются на другую сторону. Рассказывают еще, что в начале было семь китов; но когда земля отяжелела от грехов человеческих, то четыре ушли в пучину эфиопскую, а во дни Ноя и все туда уходили — и потому-то случился всеобщий потоп»¹.

Наконец, следует назвать и мифы, по которым рыба является не только опорой мироздания, но и самой землей. Так, в японских преданиях о сотворении вселенной говорится, что первые острова всплыли из первозданной пучины моря подобно рыбам. В еще более наглядном виде такое представление отражено в новозеландском мифе о легендарном герое Мауи. Закинув в море леску с крючком из магической перламутровой раковины, смоченной вместо наживки собственной кровью, Мауи с колоссальными усилиями извлек с морского дна чудесную огромную рыбу, впоследствии образовавшую собой одну из частей обитаемой людьми земли. В непосредственной связи с подобными преданиями находятся и популярные в средневековой Европе легенды о путешественниках, приставших к неведомому острову, изобильному и благодатному. Высадившись на него и подивившись его красоте, они с ужасом обнаруживают, что почва под их ногами сотрясается, а они находятся вовсе не на острове, а на спине гигантской рыбы. Этот сюжет встречается в сказках «Тысячи и одной ночи» и в фольклоре очень многих народов.

¹ Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982, с. 195—196.

Возникает вопрос, почему же именно рыба столь часто выступает в роли опоры, несущей на себе громаду вселенной? Ответ прост: по универсальным, распространенным во всем мире мифологическим представлениям, исходным космическим элементом служит вода. Из ее первозданных пучин божества и герои, творящие мир, извлекают первый клочок земли, именно вода кольцом окружает обитаемую вселенную, именно она в конце концов вновь губит землю, опустошая ее всемирным потопом. Объясняется это совершенно особым значением воды в глазах человека, видевшего в ней непремное условие всякой жизни и потому ставившего ее на первое место среди всех мировых стихий.

Воплощения земли

Мифологические образы формируются по закону подобия. В соответствии с ним, животные, подпирающие своим телом землю, должны обладать теми же качествами, что и сама земля, быть каким-либо образом связанными с ней. Именно это обстоятельство позволяет понять, почему столь часто в качестве опоры вселенной мыслились существа, с нашей современной точки зрения, весьма непритязательные, если не сказать ничтожные. Важнейшими из них в глазах мифотворцев были лягушка, черепаха и змея.

При всех различиях, существующих между ними, их объединяет образ жизни. Любимыми местами их обитания служат водоемы, заболоченные впадины и низины, щели меж камней и подземные норы. Защитная маскировочная окраска придает им внешнее сходство с почвой — болотной кочкой, побуревшим от солнца камнем или трещиной в разошедшейся земле. В глазах человека прошлого все это не было случайностью, он усматривал за этим скрытый смысл. По его мнению, столь близкое подобие этих животных земле вызвано тем, что

они являются ее прямым порождением. Если все прочие животные рождаются обычным образом, то существа, относящиеся к разряду хтонических (от греч. «хтонос» — «земля»), появляются на свет прямо из почвы, увлажненной оплодотворяющим дождем. Еще Плутарх был уверен в том, что мыши и лягушки сами собой рождаются из мокрого ила.

[Главная характеристика земли, имевшая в глазах древнего человека первостепенное значение,— это плодородие. Неведомая чудесная сила, ежегодно производящая на свет злаки и растения и дающая тем самым пропитание людям и зверям, не могла не вызывать в религиозном сознании почтительнейшего к себе отношения. Появление из мертвой почвы живых ростков казалось чем-то сверхъестественным и служило основой для обожествления плодоносящей земли. Параллельно с этим формировался и культ животных, считавшихся ее воплощениями и символами. Все, что служило отличительными признаками земли, в равной степени приписывалось и им. Так и получилось, что хтонические создания — лягушки, черепахи, змеи и им подобные — вопреки своей ничтожной роли в жизни человека в мифологии приобрели значение совершенно особое, если не сказать выдающееся.

Вполне понятно, что земное плодородие немыслимо без животворящей влаги. И вот мифы ставят хтонические существа в самую тесную связь с водой. В частности, лягушка выступает в качестве повелительницы мировых вод. В австралийских, китайских, североамериканских преданиях, несмотря на их огромную географическую удаленность друг от друга, встречается один и тот же сюжет: гигантская лягушка выпивает всю воду на земле, наступает повсеместная засуха, и всему живому грозит смерть, но вот является находчивый герой, которому удастся настолько рассмешить ее, что она, не выдержав, извергает проглоченную воду, способствующую возрож-

дению природы. Еще большей популярностью в мировой мифологии пользуются легенды о фантастическом змее или драконе, сторожащем чудесный источник. Только доброе божество или сказочный богатырь в состоянии победить его и даровать людям живительную влагу. Очень часто подобным сказаниям придается космический характер, а само событие относится к начальной эпохе миротворения.

В силу названных причин лягушки, змеи и черепахи рассматривались как распорядители и податели земного плодородия. В них видели добрых божеств и обращались к ним с молениями о влаге, дождях, урожае. Изображения их почитались священными: например, в Древнем Китае статуи лягушек устанавливались в императорских дворцах, а народы Центральной Америки вознесли лягушку на небо, обозначив ею один из знаков зодиака. Дальше — больше. Хтонические создания стали считаться покровителями не только урожая, но и плодovitости вообще. К ним обращались с мольбами о размножении стад и даже о ниспослании потомства. Им приписывалась особая жизненная сила: считалось, что змеи, лягушки и черепахи отличаются чрезвычайным долголетием, достигающим тысяч лет, и едва ли не владеют секретом бессмертия.

Все сказанное имеет самое прямое отношение к архаичным представлениям о мироздании, ибо объясняет роль и место «земнородных» тварей в мифологической картине мира. С этой точки зрения интересен тибетский ритуальный нож-амулет, символизирующий вселенную: его широкое двузубое лезвие украшено изображениями моря, вздымающихся из него гор, а также облаков, звезд и светил. Рукоятке же ножа, означающей опору вселенной, придан облик красной распластанной лягушки, головой подпирающей мировые воды. Истоки этого образа следует искать в буддийской мифологии. По одной из легенд, божество Манджушри, обратившись в огром-

ную лягушку, легло на спину и на своем животе утвердило им же созданную землю. Вместе с буддизмом подобные предания проникли и к народам Южной Сибири.

У живущих в Забайкалье эвенков творцом земли изображается уже сама лягушка. Именно она вынесла в лапах землю из-под воды, но злое божество выстрелом из лука убило ее: лягушка перевернулась кверху брюхом и с тех пор лапами поддерживает землю, окруженную со всех сторон водой. В качестве символа земли изображение лягушки применялось как подвеска к костюмам эвенкийских шаманов. Наряду с этим у эвенков имелось представление о четырехугольной земле, поддерживаемой четырьмя лягушками, черепахами или особыми подпорками. С этим интересно сопоставить древнеегипетскую картину мира, по которой в четырех углах вселенной обитают четыре пары божеств, имеющих облик лягушки и змеи. Наконец, следует сказать, что анализ индоевропейских мифов приводит к выводу о том, что образ лягушки — опоры вселенной был в древности известен и народам Европы. Это лишний раз подтверждает универсальность мифологической символики этого существа.

Очень часто вместо лягушки фигурирует черепаха. Нужно сказать, что с точки зрения мифологической оба эти существа рассматриваются как дубликаты или двойники. Народная фантазия наделяла их одинаковыми качествами, в силу чего и культ этих животных в религиях имел много общего. Известно несколько вариантов мифа, повторяющего приведенные выше буддийские легенды о космической лягушке с той лишь разницей, что вместо нее выступает чудесная золотая черепаха.

За пределами азиатского континента мифы о мировой черепахе распространены прежде всего в Северной Америке. Согласно преданию ирокезов, в самом начале миро-

творения верховное божество решило посадить в первозданном океане гигантское мировое дерево. Но для него нужна была прочная опора. Собравшиеся на совет звери решили извлечь землю со дна океана. Когда же эта задача была решена, встал вопрос: на чем укрепить ее? Взять на себя ответственность подпирать вселенную согласилась черепаха Хах-ху-нах. На ее крепкий панцирь были помещены извлеченные со дна кусочки ила, которые, постепенно разросшись, образовали нынешнюю землю.

Излюбленным космическим персонажем черепаха была и у древних китайцев. В одном из старинных трактатов, написанном около двух тысячелетий назад, приводится миф о горах бессмертных, именуемых Пэн-лай. Пять священных гор, на которых обитали божества и люди, достигшие после смерти блаженства, плавали по поверхности океана на расстоянии в несколько миллиардов ли¹ от берега. От постоянной морской качки бессмертные обитатели райских гор разболелись, и тогда верховное божество приказало своим подчиненным поймать пятнадцать гигантских черепах и заставить их держать горы на своих головах, сменяя друг друга через шестьдесят тысяч лет. Далее миф повествует о том, как некий великан поймал на крючок шесть чудесных черепах, вследствие чего две горы из пяти погрузились в пучину. Связь этого предания с архаичной картиной мира совершенно очевидна: пять мифических гор соответствуют пяти мировым горам, располагающимся, согласно древнекитайской космографии, в кардинальных точках пространства — на юге, севере, востоке, западе и в центре. Итак, перед нами уже знакомое представление: вселенная, подпираемая черепахами.

Ближние воззрения были известны и корейцам. Об этом можно судить хотя бы по средневековым камен-

¹ Ли — китайская мера длины, равная примерно 0,5 км.

ным надгробиям, возводившимся на могилах прославленных полководцев и феодальной знати. Такие надгробия представляли собой внушительную каменную стелу, украшенную изображениями солнца, луны и извивающихся драконов, основанию же стелы придавался облик могучей черепахи с мощными лапами и крепким панцирем, воинственно поднявшей голову с грозно разинутой пастью. Космическая символика подобных сооружений вполне ясна: черепаха — опора вселенной, сама стела — мировое дерево или гора, ее вершина — небо, украшенное светилами. Перед нами — высеченная в камне уменьшенная модель космоса.

Большую роль космическая черепаха играла и в мифах Древней Индии. По легенде, записанной в знаменитом эпическом сказании «Махабхарата», боги творили вселенную весьма необычным способом: они взяли космическую гору Мандара, вместо веревки обвили ее могучим змеем Васуки и стали пахтать (сбивать) молочный океан, из которого одно за другим начали возникать различные творения. Царь же черепах служил богам опорой для горы Мандары — космической мутовки. В средневековом индийском искусстве вселенная изображалась следующим образом: гигантский мировой змей, обвивший мироздание кольцом, несет на себе колоссальную черепаху, на спине которой стоят четыре слона, подпирающие землю; в центре земного океана помещается обитаемый людьми континент — Джамбудвипа, там, в свою очередь, тоже находятся космические слоны, а на их спинах возвышается сияющая мировая гора Меру.

Особый интерес в этой картине мира представляет то, что наряду с черепахой важное место отводится змее. В этом качестве она известна, например, батакам Суматры, верящим в то, что землю держит на голове космическая рогатая змея Нага Падоха, движения которой будто бы и вызывают землетрясения. У многих на-

родов мира бытует мнение, что прибежищем змей служит преисподняя. Более того, иногда сама преисподняя рисуется в облике фантастического змея. В качестве примера можно назвать средневековые христианские воззрения, по которым ад есть не что иное, как колоссальный ужасный змей с разверстой пастью, пожирающий души грешников. Эти представления нашли отражение в многочисленных иконах и лубках на религиозные темы.

Итак, общая картина ясна: змеи, черепахи и лягушки — постоянные персонажи мифологической системы мироздания; отождествляемые с влагой, почвой, мраком и плодородием, они мыслились существами, не просто поддерживающими землю, но и выступающими в роли ее символических воплощений.

В облике зверя

Значение животных в религиозно-мифологической картине мира не ограничивается одной лишь вспомогательной ролью опоры мироздания. Нередко сама вселенная мыслилась как огромный зверь. Известный советский исследователь античной мифологии А. Ф. Лосев пришел к следующему выводу: «Если данная стихия находится в распоряжении того или иного божества, то для мифолога — это ясное свидетельство о том, что некогда и само это божество было данной стихией»¹. Такой вывод применим отнюдь не к одним лишь античным мифам, на него можно опираться и при анализе воззрений куда более ранних. Дело в том, что развитие мифологических образов происходит путем их расщепления. Что это значит? Например, в наиболее древних и примитивных пластах фольклора герой для того,

¹ Лосев А. Ф. Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии. — Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1953, т. 72, с. 65.

чтобы попасть в иной мир, оборачивается конем, птицей или другим животным. Но по мере своего развития образ делится пополам: конь или птица как бы отслаиваются от человека, в более разработанных вариантах вместо человека-животного действуют уже два персонажа — человек плюс животное, звериная личина как будто «сползает» с героя, преобразуясь в фигуру зверя-помощника. То же самое относится и к интересующим нас мифам о вселенной. Если предание сообщает нам, что опорой земли служит тот или иной зверь, то нам должно быть ясно, что в еще более глубокой древности сама земля представлялась в облике этого зверя. В самом деле, это хорошо подтверждается приведенными выше данными о мифологических характеристиках «земноводных» существ, отождествляющих их с землей.

Отсюда следует весьма важный вывод. Мифы, в которых земля изображается в облике животного, относятся к числу наиболее древних, к той стадии развития мышления, когда еще недостаточно четко осознавалась грань, отделяющая один природный объект от другого (оговоримся, что причина этого лежит вовсе не в дефектности первобытного сознания). Этим объясняется, почему подобных мифов дошло до нас сравнительно немного, а те, что уцелели, подверглись переработке. В качестве иллюстрации можно привести во всех отношениях характерную легенду кхмеров (Кампучия). Некогда могущественный король полюбил простую девушку, которая помимо своей красоты отличалась от всех прочих еще и тем, что у нее был чудесный помощник — огромный крокодил. Со временем охладев к своей возлюбленной, король решил жениться на заморской принцессе. Во время плавания короля за невестой крокодил, горя жадной мести за оскорбленную честь своей покровительницы, набросился на королевский корабль, но силою магических чар был побежден, причем его тело обратилось в огромную гору, с тех пор именуемую Кроко-

дильей, а в тех местах, куда он ткнулся мордой и где ударил своим мощным хвостом, возникли два озера — Крокодильего хвоста и Крокодильего носа.

Совершенно очевидно, что перед нами типичная сказка, но за ней кроется более древнее мифологическое содержание. За расхожим сюжетом о неразделенной любви и волшебных чарах угадывается повествование о миротворении.

Приведенный пример поможет понять связь между предметом нашего разговора и следующими двумя христианскими легендами, одна из которых апокрифического происхождения, а другая содержится в канонических евангелиях. В одном из эфиопских преданий рассказывается, что во времена язычества страну опустошал ужасный змей. Благочестивые монахи, явившиеся в Эфиопию проповедовать слово божье, взмолились всемогущему, и тот послал им на помощь Иисуса Христа, который и умертвил змея, в результате чего новая вера была успешно проповедана, и возникло еще одно христианское государство. А вот евангельский миф. Призвав апостолов Петра и Андрея, бывших до тех пор рыбаками, Иисус велит им оставить сети и обещает сделать их «ловцами человеков» (Матф., 4:19). Какое отношение все это имеет ко вселенной в образе животного? Как и в кхмерском мифе, здесь налицо переосмысление древнего сюжета о поединке бога с чудовищем, из тела которого затем творится космос. В первом случае фигурирует змей, во втором — рыба, в первом случае победа над змеем равнозначна созданию государства, во втором — уловление рыбы символизирует обращение язычников в христианскую веру. Итак, происходит переосмысление древнего мотива: в первоначальных вариантах мифа из животного создается вселенная, в позднейших — новый человек и новое общество, то есть в конечном счете смысл остается прежним.

В справедливости предложенной интерпретации убеж-

дает то, что в мифах еще более древних образ космоса, творимого из тела животного или чудовища, просматривается вполне отчетливо. В одном из библейских псалмов говорится, что бог распростер небо «яко кожу». Столь странная метафора не может не вызвать удивления: что за кожа, и при чем тут небо? Вопрос разрешается, если обратиться к древнейшему слою библейской мифологии. Хотя в полном виде миф в Библии и не фигурирует, целый ряд косвенных свидетельств, сохранившихся в ветхозаветных текстах, позволяет заключить, что библейским авторам был известен сюжет о том, как в процессе сотворения вселенной бог Яхве в космической по своим масштабам битве победил гигантское рыбо- или змееобразное чудовище (в разных вариантах оно именуется по-разному — Левиафан, Рахав, Таннин), воплощавшее в себе изначальный хаос, и сотворил из него упорядоченный, пригодный для жизни мир. Различные части тела поверженного врага превратились в составные элементы вселенной; так, кожа пошла на изготовление неба. Подтверждение сказанному дает древнемесопотамская мифология. Бог Мардук, вступив в сражение с ужасным чудовищем по имени Тиамат, победил его и создал из его тела небо и землю. Из слюны Тиамат он сотворил тучи, кучевые облака, ветер, дожди и холод; на голове чудовища он насыпал гору, пропустив реки Тигр и Евфрат сквозь глазницы; на груди он насыпал землю и устроил водоемы, а ляжки сделал опорой неба.

У народов, задержавшихся в культурном развитии, мифы о сотворении вселенной из тела животного имели распространение вплоть до сравнительно недавнего времени. Так, в эпической песне народа аси, живущего на юге Китая, рассказывается о том, как духи Адэ и Аджи создали небо и землю из тела огромной бабочки. Согласно преданию североамериканских индейцев тинне, первичным веществом, из которого возник существующий ныне мир, послужила плоть мифической собаки, рас-

терзанной на части великанами. В более детальном виде подобные воззрения отражены в традиционной картине мира живущих на Дальнем Востоке орочей. На схематичной карте, нарисованной по просьбе этнографов одним из ороческих стариков, знатоком преданий и обычаев, вселенная имеет следующий вид. Континент Евразия представлен в образе восьминогого, безрогого лося с пышными усами и головой, повернутой в сторону юга. Спинной хребет животного в то же время есть и горная цепь, образованная девятью вершинами. Этими горами земля делится на две половины — восточную и западную; на востоке живут сами орочи, их родственники и соседи, западную же часть занимают русские и все прочие народы. На голове лося (то есть на юге) помещается Китай. Бросающуюся в глаза неравномерность в распределении населения (получается, что на долю малочисленных орочей приходится «половина земли» — столько же, сколько на все остальное человечество) информатор объяснял тем, что некогда орочей было столь много, что лебеди, пролетавшие над их становищами, чернели от дыма множества костров. В соответствии с таким пониманием устройства мира, земные леса рассматривались как шерсть космического лося, животные — как паразиты на его теле, а птицы — как выющиеся над ним комары. Устав от длительной неподвижности, лось время от времени переступает с ноги на ногу, вызывая тем опустошительные землетрясения. Но только этим картина вселенной в облике зверя не исчерпывается. Ниже лося, образующего своим телом нашу землю, помещается еще один лось, в точности подобный первому. Это нижний, загробный мир, во всем повторяющий наш, но с той лишь разницей, что там все наоборот. Орочи были наслышаны и о других краях, и это также нашло отражение на описываемой картине, где западнее материка-лося изображен еще один континент в виде фантастического дракона с жа-

лом, усами, раскидистыми рогами, на восьми ногах и с горным хребтом из восьми вершин на спине. По мнению старика-ороча, рисовавшего карту, это Америка. К востоку от нашей земли располагается хорошо знакомый орочам остров Сахалин, которому также придан облик животного, на этот раз — большого лосося, раскрашенного наполовину в синий, наполовину в красный цвет.

При знакомстве с зооморфной моделью вселенной обращает на себя внимание одна характерная особенность. С животным в первую очередь отождествляется лишь земля и то, что непосредственно с нею связано — горы, леса, озера. Далее этого масштабы зооморфной вселенной, как правило, не простираются. Не случаен и набор животных, служащих опорой или воплощением мироздания, — большинство из них имеют прямое отношение к стихиям земли и воды. И это вполне закономерно. Ведь чем дальше в глубь истории, тем сильнее и прочнее была зависимость человека от окружающей его природы, тем проще и ограниченнее была его вселенная. Прежде чем обратить свой взгляд к небесам и направить мысль на создание всеобъемлющих космологических построений, люди очень долгое время пребывали в твердой уверенности, что их маленький мирок, заключенный в относительно небольшой и сугубо конкретной территории, и есть весь мир. Свое главное внимание мифологическая фантазия направляла на осмысление и объяснение того, что непосредственно окружало человека.

Было бы преувеличением сказать, что в ходе истории зооморфная модель космоса полностью разложилась, сохранившись лишь у отсталых народов и не оставив после себя никаких следов в более развитых культурных традициях. Религиозно-мифологическое мировоззрение чрезвычайно консервативно: даже много спустя после исчезновения того или иного явления его отзвуки и от-

голоски долго еще дают о себе знать. Что касается вселенной в облике животного, то на остатки представлений о ней мы натыкаемся едва ли не на каждом шагу.

Возьмем хотя бы универсальные представления о мировом дереве или мировой горе, которые, располагаясь в центре мира, являют собой его уменьшенную копию. В мифах и гора, и дерево всегда фигурируют в сочетании с животными, которых обычно бывает три или четыре. В подборе и распределении животных в окружении «оси мира» есть свои закономерности. В корнях дерева или у подножия горы мифы, как правило, помещают существо, символизирующее собой землю, влагу, мрак, зло — это главным образом уже знакомые нам в этой роли змеи, лягушки, черепахи, иногда рыбы, если дерево или гора возвышаются из воды. На вершине же «оси мира» мифы помещают какую-либо из птиц, чаще всего это царь пернатых — орел или иная могучая птица, которая отождествляется с небом, солнцем, светом, добром.

Небесные птицы и «земнородные» твари олицетворяют разные космические уровни вселенной, ее полюса — верх и низ, добро и зло, жизнь и смерть. Поэтому они часто изображаются враждующими между собой: известно множество сюжетов о борьбе живущего на макушке мирового дерева орла с «подкольным» змеем, таящимся в корнях. По правую же и левую сторону от дерева помещаются животные среднего мира, в разных мифах в этой роли предстают конь, медведь, тигр, белка и иные звери. Их главная функция состоит в том, чтобы служить посредующим звеном между существами верхнего и нижнего миров, тем самым объединяя вселенную в единое и законченное целое. Получается, что полнота космоса символизируется тремя или четырьмя живыми существами — птицей, рептилией и одним или двумя животными среднего мира.

В завершение данного раздела — пример, весьма

многозначительный по смыслу. На всем Востоке среди народов, исповедующих буддизм, большой популярностью пользуется символическая картинка следующего содержания. Под ветвистым, раскидистым деревом, на фоне виднеющейся вдали горы стоит могучий слон, на его спине — обезьяна, на обезьяне — заяц, на зайце — птица. По своему происхождению этот сюжет является иллюстрацией к одной из джатак — нравоучительному рассказу, в наглядной форме излагающему принципы буддийской морали. Одно из главных положений этики буддизма состоит в утверждении взаимной любви всех живых существ. Эту идею и демонстрирует описанное изображение, символизирующее дружеское единение различных созданий, а шире — мир и гармонию вообще. Такой смысл вкладывается в это изображение сейчас. Если же взглянуть на него с точки зрения мифологического анализа, то станет ясно, что перед нами — все та же картина вселенной, образованной животными, все те же вечные и многократно повторяющиеся образы земли и неба, в очередной раз принявшие облик зверей. Одна из древнейших моделей мироздания, когда-либо творившихся человеком, не исчезла бесследно, не растворилась целиком в толще многовековых напластований. Почти не изменившись, она дожила до наших дней, правда получив при этом иное, более обобщенное и символическое истолкование.

МИКРОКОСМ И МАКРОКОСМ

Одушевленная природа

С детства усвоив наиболее общие представления об окружающей нас вселенной и природе, мы, став взрослыми, в своей повседневной жизни редко возвращаемся к ним, чтобы задуматься. Все кажется привычным, простым и понятным. Навивные вопросы без ответа — удел детей, чей оригинальный и подчас совершенно неожиданный склад мышления мы с помощью воспитания и образования постепенно преобразуем в мировоззрение. В современном обществе только маленький ребенок (кроме него лишь поэт, да и то отчасти) пребывает в счастливой уверенности, что Солнце может смеяться, звери — плакать, а земля — чувствовать боль. Взрослые видят в этом лишь милые детские глупости, ведь они хорошо знают, что Солнце —

шар из раскаленного газа, звери идут на шапки и дубленки, а из земли делают кирпичи.

Следует, однако, сказать, что наше современное деление природы на живую и неживую сложилось не так уж и давно. Долгое время человечество было убеждено в обратном, полагая, что ничего неодушевленного, мертвого в мире не существует. В этом смысле мировоззрение ранних эпох человеческой истории можно уподобить детскому взгляду на окружающий мир. Ребенок еще слишком слаб и беспомощен, чтобы без посторонней поддержки воздействовать и подчинять себе окружающие его предметы, существа и явления. За него это делают взрослые, которых он поэтому считает могущественными и едва ли не всемогущими.

Далекие исторические эпохи не случайно называют детством человечества. Постоянная борьба людей с враждебными силами природы, борьба не на жизнь, а на смерть очень долго велась с перевесом отнюдь не в пользу человека. В силу этого ранние представления об окружающем мире у всех без исключения народов (ведь условия были примерно одинаковыми) складывались по весьма простому шаблону. Раз окружающий мир диктует человеку свои условия, значит, он не пассивен, не бездеятелен, не мертв, ибо мертвое не сопротивляется и не борется. Он — партнер и соперник человека, подобно человеку, он наделен разумом, чувствами и целенаправленной волей. Именно в этом марксистская наука видит главную (но в то же время не единственную) предпосылку возникновения религиозных верований.

Отвергая мертвую природу, первобытное сознание приписывало ей всепроникающую одушевленность. Одушевленным мыслился весь окружающий мир. Такая особенность архаичного мировоззрения получила в науке название анимизма (от лат. «анима» — «душа»). На определенной стадии развития через него прошли все без исключения религии, а многочисленные следы анимисти-

ческого мировосприятия и по сей день сохранились в нашей культуре, языке, искусстве. Другой стороной анимизма является фетишизм, вера в то, что божество или дух обитают в том или ином предмете, превращающемся, таким образом, из куса безжизненной материи в плоть живого бога. Для поддержания нормальных отношений с духами существовали многочисленные магические обряды и разнообразные жертвоприношения. С точки зрения древних, только благодаря этому земля давала пропитание, дерево позволяло срубить себя, а огонь не испепелял в гневе новый дом. Такой взгляд на окружающий мир составлял сердцевину религиозного сознания и в разной степени определял мировоззрение ранних культур.

Вселенная — человек

Обожествляя природу и ее могущественные силы, человек не просто наделял их разумом и другими присущими ему самому способностями, но и внешне придавал им сходство с самим собой. Человеческий облик имели не только отдельные боги и духи, часто он приписывался всему мирозданию в целом. Согласно чрезвычайно популярному у многих народов космологическому представлению, вселенная есть не что иное, как космически громадное человеческое тело. Характерное для первобытного сознания стремление одушевлять и очеловечивать природу и космос в целом находит в этой концепции свое логическое завершение: вселенная не просто наделяется теми или иными человеческими качествами и атрибутами, но прямо уподобляется самому человеку. Религиозно-мифологическая мысль творила «по своему образу и подобию» не только богов, не только олицетворения сил и явлений природы, но по тем же канонам «конструировала» и само мироздание, представлявшееся единым це-

лостным организмом, столь же сложным и совершенным, как и «венец творения» — человек. Подобные взгляды в известной мере отражают наивные попытки древних творцов религиозной картины мира соединить воедино разнородные, порой полярные, качества и характеристики космоса, представив его в виде наглядного, чувственно воспринимаемого мифологического образа. Концепция тождества мироздания телу человека зародилась в глубокой древности. За долгое время своего существования, постепенно развиваясь, она трансформировалась в многочисленные причудливые предрассудки и суеверия, оказала глубокое влияние на искусство и культуру, в ряде случаев стала основой для донаучных философских учений спекулятивно-схоластического направления.

Огромной популярностью названные воззрения пользовались у древних индийцев, многочисленные свидетельства чему мы обнаруживаем уже в священных книгах древней Индии — ведах. В самой главной из них — «Ригведе» содержится широко известный «Гимн Пуруше», где повествуется о том, как некогда боги рассекли на части и принесли в жертву гигантского космического первочеловека по имени Пуруша. Тело этого мифического великана в результате жертвоприношения породило все сущее, образовав собой вселенную. Из разума Пуруши появился месяц, из глаза — Солнце, изо рта — огонь, из дыхания — ветер. Из его пупа произошел воздух, голова образовала собой небо, уши превратились в страны света, а ноги стали землей. Пуруша породил из себя не только естественный, но и социальный порядок, из разных частей его тела появились представители различных каст — застывших сословий, отделенных друг от друга непроходимой границей: из уст Пуруши появились брахманы — жрецы, его руки превратились в кшатриев — воинов, из бедер возникли вайшьи — земледельцы, и, наконец, из ног родились шудры — самое низшее и уг-

нетенное сословие Древней Индии. Подобный параллелизм весьма примечателен: социальная иерархия повторяет космическую, то есть общество рассматривается по своему устройству аналогичным вселенной.

В более поздних индийских источниках вместо мифического Пуруши фигурируют уже философские понятия, такие, как Атман, Брахман, Прана, представляющие собой отвлеченные категории, но сохраняющие вместе с тем архаичную религиозно-мифологическую подоснову. Так, например, в одном из сочинений говорится о том, что голова Атмана — это небо, глаз — Солнце, дыхание — ветер, тело — пространство, мочевого пузырь — вода, ноги — земля. Позднее картина усложняется: небеса и земля описываются содержащими по семь слоев, каждый из которых соотносится (снизу вверх) со ступнями, лодыжками, голенями, ногами ниже колен, коленями, бедрами, пупом, животом, грудью, ртом, бровью, лбом, надлобьем, черепом. В более поздней, джайнской космологии вселенная также уподобляется человеку, верхняя часть тела соответствует небу, область бедер — земле, ниже — преисподней.

С древнеиндийскими представлениями напрямую перекликается иранский миф. Один из средневековых текстов повествует о том, как вселенная была сотворена из тела Ормузда — верховного божества иранской религии. В зороастрийской² литературе можно найти и мотив расчленения первосущества, близкий индийскому и заключающий в себе глубокий смысл.

Аналогичные воззрения можно обнаружить и у древних греков. В одном из орфических³ гимнов говорится о

¹ Джайнизм — индийское религиозное течение, возникшее до н. э., называется так по имени легендарного вероучителя Махавиры Джини.

² Зороастризм (по имени пророка Зороастра — Заратуштры) — религия древних иранцев, сохранившая немногочисленных последователей и по сей день.

³ Орфизм (по имени мифического певца Орфея) — религиозно-мистическое учение, возникшее в VI в. до н. э. в Греции.

всепорождающем и все содержащем в себе Зевсе: «Одна сила, один дух, могучая основа мира и одно божественное тело, в котором все круговращается: огонь и вода, земля и эфир, ночная тьма и дневной свет... Его голова и прекрасное лицо его — это блестящее небо, и кругом как бы золотые локоны... глаза — это Солнце и противостоящая Луна. Истый царственный дух есть негибнущий эфир... Столь же блестяще у него туловище, неизмеримое, несокрушимое, крепкое, с сильными членами, гигантское; плечи бога и грудь его, и широкая спина — это далеко простирающийся воздух... Подошвы его ног — корень земли, мрачный тартар и крайние пределы преисподней. В себе сокрыл он все, чтобы снова на свет многорадостный все извести из лона, являя чудо за чудом»¹.

В скандинавской мифологии боги во главе с Одним создают мир из тела убитого ими великана Имира, заполнив им ужасную пропасть Гиннунгагап. Плоть умерщвленного гиганта становится землей, череп — небом, кости — горами, кровь — морями. К этому можно добавить, что в древнескандинавской поэзии распространенным приемом было уподобление частей человеческого тела явлениям природы и наоборот. Голова именовалась «небом», пальцы — «ветвями», вода — «кровью земли», камни и скалы — «костями», травы и лес — «волосами земли». Исследователи считают, что до того, как стать поэтическими образами, эти уподобления отражали реально существовавшие представления людей о вселенной.

Широко распространенные, подобные воззрения были известны и на Руси. В древнерусской «Голубиной книге» дается следующая, космогоническая по сути, картина:

¹ Цит. по: Лосев А. Ф. Античный космос и современная наука. М., 1927, с. 25—26.

У нас белый вольный свет зачался от суда Божия;
Солнце красное от лица Божьяго,
Самого Христа Царя небесного.
Млад светел месяц от груди его;
Звезды частые от риз Божьих;
Ночи темные от дум Господних;
Зори утренние от очей Господних;
Ветры буйные от Свята Духа;
У нас ум-разум самого Христа,
Самого Христа Царя небесного;
Наши промыслы от облак небесных;
У нас мир-народ от Адамия;
Кости крепкие от камени;
Тела наши от сырой земли;
Кровь руда наша от черна моря ¹.

Нередко происходит перестановка понятий, впрочем принципиально не меняющая сути дела: не человеческое тело образует собой вселенную, но, напротив, сам человек воспроизводит собой космос. В одной из немецких религиозных поэм XII в. говорится:

От корней дал он ему (бог человеку.— В. Е.) жилы,
От травы дал он ему волосы,
От облаков — дух,
Глаза — от Солнца ².

Приведенные примеры удивляют своей похожестью. Возникает вопрос: не есть ли это сходство результат общего происхождения? Все упомянутые выше народы относятся к так называемой индоевропейской языковой семье. Когда-то, за несколько тысячелетий до н. э., предки греков, римлян, германцев, славян, индийцев, иранцев и других составляли если не единый народ, то, во всяком случае, группу тесно связанных родственных племен. По мере освоения пространств Евразии единая некогда общность распалась, сначала на крупные

¹ Шапов А. П. Соч., т. 1, с. 102.

² Там же.

ветви, а затем более мелкие ответвления, ставшие основой формирования древних этносов. Следы бывшего родства до сих пор сохранились в языке: филологи, например, считают, что имя уже называвшегося первозданного гиганта Имира, героя скандинавского мифа о творении, родственно иранскому Йима и индийскому Яма — легендарным прародителям человечества. Вспомним, что, по древнеиндийскому мифу, различные социальные группы возникли из разных частей тела Пуруши. Предположение о генетическом родстве названных представлений, казалось бы, напрашивается. Однако верным такой ответ можно считать лишь отчасти. В принципе нельзя отрицать, что некоторые из них по происхождению связаны между собой. В то же время есть основания допускать их независимое друг от друга возникновение. Важным аргументом здесь служит то обстоятельство, что подобные же воззрения не менее популярны и у других народов, в иных культурных традициях.

Древнерусское сказание о том, что вселенная была сотворена «от Адамия», находит себе аналогию в средневековых европейских христианских легендах, повествующих, как из тела библейского первопредка возникла земля, из крови — море, из костей — камни, из волос — трава. Как русские, так и западные предания в данном случае, видимо, восходят к общей апокрифической¹ традиции, в свою очередь связанной с иудейскими сказаниями, собранными и обработанными в сочинении I в. н. э. «Адамова книга». Адам — исполинское существо, ногами он касается земли, головой достигает неба. Во Второзаконии (4:32) сказано: «...сотворил бог человека (Адама.— В. Е.) на земле, и от края неба до края неба». Исполинская сущность Адама подтверждается и тем, что,

¹ От греч. «апокрюфос» («запрещенные») — священные книги раннего христианства, впоследствии отвергнутые церковью и не вошедшие в канон («Отреченные книги»).

по Библии, прародитель человечества отличался чрезвычайным долголетием — прожил будто бы девятьсот тридцать лет.

Позднее в византийской мистике имя Адама стало расшифровываться как аббревиатура, в которой каждая буква соответствует начальной букве греческих названий стран света. Та же идея повторена и в древнерусском апокрифе «Како сотвори бог Адама», где говорится, что бог послал ангела взять букву «аз» на востоке, букву «добро» — на западе, а букву «мыслете» — на севере и юге; из них и было сложено имя Адама. Смысл этих мистических дешифровок состоит в том, что как иудеисты, так и ранние христиане видели в мифическом прародителе совершенное космическое существо, по своему строению подобное мирозданию.

Интересно отметить еще один важный мотив. Во многих преданиях, повествующих о первозданных гигантах и прародителях, образовавших своим телом вселенную, подчеркивается, что перед смертью они были растерзаны на части (например, индийский Пуруша, скандинавский Имир, гвинейский Нгабикала). Отзвук того же представления содержится и в легендах об Адаме. В «Книге о рае» сирийского автора Моисея Бар Кефы (ок. 815—903) рассказывается, что Адам был похоронен в Иерусалиме, центре земли. Когда благочестивый Ной, готовясь к потопу, строил ковчег, то он выкопал его кости и прихватил их с собой. После потопа Ной разделил святые мощи между своими сыновьями, наделив каждого из них и землями для местожительства. Голову Адама вместе с лучшими угодьями Ной вручил своему старшему и любимому сыну Симу. Анализируя это предание, нетрудно уловить связь между разделением тела первопредка и разделением земли; следовательно, когда-то они мыслились одним и тем же.

В пользу гигантизма Адама говорит и мусульманская

традиция (мусульманство, как известно, восприняло многие мифы иудаизма и христианства, в том числе заимствовало и почитание Адама и Евы). Согласно ей, супруга Адама — Ева имела рост в пятьсот футов: европейский путешественник Генрих фон Мальцам, посетивший в середине XIX в. гробницы «праматери Евы» в Мекке, был поражен гигантскими размерами «захоронения». В одной из средневековых мусульманских легенд рассказывается, что после того, как бог за сорок дней (по другому варианту, за сорок тысяч лет) сотворил Адама, дьявол через рот проник в тело первого человека. Внутри он обнаружил целый «малый мир», подобный настоящей «большой» вселенной. Голова Адама оказалась состоящей из семи сфер, его тело было землей, волосы — деревьями, кости и жилы — горами и реками. Подобно тому как в большом мире существует четыре времени года, так и внутри Адама оказалось четыре стихии — жар, холод, влага и сушь, образованные черной и желтой желчью, флегмой и кровью. Процесс переработки пищи в теле Адама представлял собой полную аналогию созреванию и увяданию злаков в «большой» вселенной.

Христианское вероучение унаследовало от иудаизма мнение, что виной всех бед и несчастий человечества является совершенный Адамом и Евой первородный грех. Искупить этот грех своей смертью должен был Христос, рассматривающийся как основоположник «нового» человечества. Это объясняет, почему фигура Адама часто связывается с Христом. На средневековых иконах, изображающих распятие, у подножия стоящего на Голгофе креста с Иисусом часто рисовался череп Адама. С точки зрения мифологического анализа важно, что Голгофа, в переводе с арамейского буквально означающая «череп» (Адама), представляет собой мировую гору, а крест — символ мирового дерева. Подножие же мировой горы и мирового дерева всегда связано именно с землей.

Отличающиеся в деталях, но близкие по смыслу воззрения присущи и исламу.

Если библейские и мусульманские предания в принципе могли как-то повлиять на мифологию индоевропейских народов, то этого нельзя сказать о древнекитайской религиозной традиции, развивавшейся независимо. Между тем, согласно китайскому мифу, вселенная появилась из тела изначального гиганта по имени Пань-гу. Зародившись в хаосе, подобном куриному яйцу, Пань-гу в течение восемнадцати тысяч лет увеличивался в размерах, вместе с ним росла и вселенная, до тех пор, пока небо не было окончательно отделено от земли. После этого Пань-гу умер, при этом, как сообщается в древнем сочинении, из его тела возникло мироздание. По другому варианту предания, душа Пань-гу стала императором, из костей родились чиновники, а из паразитов на теле — простолюдины. Древние китайцы считали этого легендарного великана не только прародителем всего человечества, но и культурным героем, научившим людей многим полезным вещам, в текстах к его имени почтительно прилагается титул «государь». Позднее сотворение окружающего мира из своего тела стало приписываться и другим персонажам. О легендарном основателе даосизма Лао-цзы древний источник сообщает, что он «изменил свое тело»: левый глаз стал Солнцем, правый — Луной, голова — горой Куньлунь, борода — планетами и небесным пространством, кости — драконами, плоть — четвероногими, внутренности — змеями.

Аналогичные представления мы находим и в архаичной религии бон, возникшей в Тибете задолго до проникновения туда буддизма, а также в древнеегипетских мифах.

Представление о земле как о человекоподобном существе известно и в фольклоре индейцев навахо (Северная Америка): на схематическом изображении она имеет вид женского тела с головой, руками и ногами, сим-

волизирующими собой четыре страны света и имеющими сложную космологическую символику. Точно так же, согласно верованиям африканских догонов, земля — это распростертое тело женщины, от соединения этого женского начала с мужским небесным божеством произошло все живое. У индейцев племени тева вселенная рассматривалась в качестве живого существа, которому поклонялись, считая его телом «изначального человека», веря в то, что Млечный Путь — его спинной хребет. Папуасы маринданим верят, что одним из их мифических родоначальников является первочеловек Геб, сын неба и земли, огромный, черный, с телом, подобным камню, живущий в муравейнике (все это однозначно говорит о том, что первоначально он мыслился воплощением земли); по одному из вариантов мифа, Геб столь огромен, что голова его возвышается над Солнцем, а ноги находятся под землей, руки же его простерты на север и юг. Нетрудно догадаться, что перед нами — вселенная в образе человека. На Марианских островах зафиксировано предание о первочеловеке, сестра которого после его смерти превратила его голову и плечи в небо и землю, глаза — в Солнце и Луну, ресницы — в радугу.

В весьма полном виде представления о вселенной как огромном человеческом теле зафиксированы в прошлом у сахалинских нивхов (гиляков). Известный советский этнограф Л. Я. Штернберг, еще в конце прошлого века изучавший культуру этого народа, писал, что по-нивхски вселенная обозначается тем же словом, что и личный человекоподобный бог, и, таким образом, есть лишь форма, принятая этим божеством. «Свой родной остров, — сообщает Л. Я. Штернберг, — гиляк (нивх. — Ред.) называет «миф» (земля). Это живое божественное существо, «голова» которого (мыс Марии) и «подбородок» Пытыкры упираются в Охотское море, а «ноги» — два полуострова в Корсаковском округе, упирающиеся в пролив Лаперуза». Любознательному этнографу

довелось однажды перевалить через «подбородок» земли и наблюдать, как его спутники-нивхи с благоговением приносили жертвы божеству. А в 1894 г. Л. Я. Штернберг побывал и на самой «голове» вселенной. Вот как он описывает это событие. «С большими затруднениями, почти без провизии и припасов, с одним куском кирпичного чая и сухарями, добрался я до «головы» земли. Когда я неожиданно сообщил моим спутникам, что я решил взобраться на вершину «головы», чтобы собрать там растения и отбивать камни, моими спутниками овладела паника. Они заклинали меня отказаться от моего «безумного» намерения, которое должно было повести за собой нашу общую гибель». Главная беда, по мнению нивхов, заключалась в том, что у слишком любопытного путешественника не было с собой ничего, что можно было бы принести в жертву божеству. Проблему решили случайно завалявшиеся в кармане леденцы. Ими и было решено задобрить требовательного бога. Спустившись с «головы» земли, исследователь, дабы успокоить своих спутников, так и не отважившихся составить ему компанию, вынужден был присочинить, сказав им, что принес жертву и обратился к богу «головы» с почтительным словом. Все были вполне удовлетворены¹.

Чрезвычайно большое число свидетельств буквального очеловечения вселенной сохранилось в фольклоре разных народов. Можно привести десятки примеров, когда Солнце и Луна обозначаются словом «глаза». В легендах и эпических сказаниях земля, горы, долины уподобляются тем или иным частям человеческого тела. Так, древние греки именовали землю-мать «широкогрудой». В алтайском предании героиня живет «под мышкой голубой горы» (то есть в долине). В бурятском эпосе, когда грозный герой скачет на своем чудесном коне, «тело

¹ См.: Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 31—36.

земли» в страхе разверзается. По шорскому поверью, осенью «уши гор» лучше слышат и т. д.

Из всех частей человеческого тела мифы совершенно особую роль приписывают пупу. Вызвано это конечно же тем, что через пуповину ребенок связан с матерью и в силу этого данный орган имеет первостепенное значение. В средние века богословы со всей серьезностью ломали голову над каверзным вопросом — были ли пупы у Адама и Евы? Ведь прародители человечества не рождены женщиной, а созданы по образу и подобию бога, который в свою очередь не знал материнской утробы.

Особая важность пупа в мифологии обусловлена и тем, что он располагается ровно посередине человеческого тела, а понятие центра едва ли не во всех религиях и мифологиях чрезвычайно значимо и даже священо. В якутских сказаниях описывается «блистательный пуп земли», помещающийся в «серебряной середине» мира, на особом медном возвышении, в месте, где никогда не бывает никаких горестей. «Трижды острый» пуп земли знаком и алтайским мифам, согласно которым он находится в центре мировой горы Сумеру, из него же произрастает чудесный железный тополь, макушкой достигающий неба. Кеты когда-то верили, что пупу земли соответствует пуп неба — Полярная звезда. Его считали живым женским существом, и в случае болезни приносили ему в жертву черную собаку. Тибетцы поэтически именовали пупами земли своих сказочных героев, отождествляя их при этом с горами. О пупе небес и «пупе бессмертия» упоминается в «Ригведе». По более поздней легенде, бог Брахма появился из лотоса, выросшего из пупа Вишну, плававшего в безграничных водах изначального океана (Вишну здесь можно понимать как прообраз земли). На том месте, где пролилась кровь из пупа новорожденного Цзонхавы, буддийского вероучителя, по тибетскому преданию, выросло чудесное сандаловое дерево с изо-

бражениями различных богов на своих листьях; такие деревья, как мы знаем из мифов, всегда отмечают центр мира.

Настоящий культ земного пупа существовал у древних греков. По словам Платона, Аполлон наставляет людей, «восседая в самом средоточии земли, там, где находится ее пуп». Таким местом греки считали город Дельфы, где находился посвященный Аполлону знаменитый дельфийский оракул. Греки верили, что именно в этом месте Аполлон некогда поразил змея Пифона. Относительно того, каким образом был обнаружен пуп земли, существует следующая легенда. Чтобы определить центр мира, Зевс выпустил с востока и запада двух орлов. Летя навстречу друг другу, птицы встретились в Дельфах, где и был водружен священный омфалос (шарообразный священный камень), а по сторонам от него — золотые скульптуры орлов.

В свете приведенных данных не вызывает удивления, что во многих мифах сотворение мира привязывается именно к пупу земли. В одном из талмудических текстов космогонический акт описывается в следующих словах: «Бог создал мир словно зародыш. Подобно тому как зародыш развивается с пупа, так и бог начал творить мир с пупа, и оттуда распространился он во всех направлениях»¹. Рождение человеческого существа и сотворение вселенной уподобляются и приравниваются друг к другу, миф видит в них явления одного порядка.

Мистика микрокосма

Уходящие корнями в глубину веков мифы послужили основой для необычайно популярной в древности и средние века концепции микрокосма и макрокосма. Представление о микрокосме лучше всего известно из

¹ Eliade M. The Myth of the Eternal Return. London, 1955, p. 16.

античной традиции, получившей свое развитие в культуре европейского средневековья, в искусстве и философии эпохи Возрождения и Нового времени. А. Я. Гуревич, специально исследовавший эту проблему на европейском материале, дает следующее определение: «Микрокосм не просто малая часть целого, не один из элементов вселенной, но как бы ее уменьшенная и воспроизводящая реплика. Согласно идее, высказывавшейся и богословами и поэтами, микрокосм столь же целостен и завершен в себе, как и большой мир. Микрокосм мыслился в виде человека, который может быть понят только в рамках параллелизма «малой» и «большой» вселенной».

Подобные представления хорошо были известны не только в Западной Европе, о них рассуждали и древнерусские книжники, дававшие типичное толкование микрокосма: «Богословцы реша, яко человек есть второй мир мал: есть бо небо и земля, и яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая — от пупа до главы яко небо, и паки от пупа дольная его часть яко земля; ибо земля имеет силу рождательскую и прохождение вод...; тако и в сей нижней части человека сия суть. Паки же в горней части его, яко на небеси светила, солнце и луна, гром, ветер, лице и в человеке и во главе, очи и глас и дыхание и мгновение ока, яко молния скорошественно, наипаче же всех уш, вся видяй, видимая и невидимая, и обдержа яко горстию, скорошествен, проходя невозбранно небо и землю»². Мнение о тождестве микрокосма макрокосму нашло отражение в европейской философии, астрологии, литературе, прикладном искусстве средневековья. В рукописных церковных книгах можно встретить изображения макрокосма в виде круга, сим-

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 52.

² Шапов А. П. Соч., т. 1, с. 102.

вола вечности, в руках у женщины, обозначающей саму Природу; внутри круга помещен микрокосм — человек, несущий в себе небеса и землю, таящий в себе все вещи мира. Иногда человек-микрокосм рисовался в окружении планет и мировых стихий — огня, воды, земли и воздуха. Поэты описывали природу-вселенную в облике женщины в диадеме со звездами зодиака и в одеждах, украшенных фигурами птиц и зверей, расположенных в порядке творения их богом.

На первых порах и зарождавшаяся наука многое заимствовала из древнего мифологического наследия. Недостаток достоверных знаний и дань традиций порой вынуждали первых ученых повторять вымыслы предшественников, придавая им видимость научных концепций. В античной традиции идею о соотношенности отдельных частей человеческого тела и их функций с архитектурой вселенной, в первую очередь с семью небесными сферами и прикрепленными к ним семью планетами, можно встретить уже у Птолемея. По его мнению, Сатурну соответствуют правое ухо, мочевой пузырь, флегма, кости; Юпитеру — осязание, легкие, артерии, семя; Марсу — левое ухо, почки, вены, тестикулы; Солнцу — глаза, мозг, сердце, нервы, все главные органы; Венере — обоняние, печень, «шишка ясновидения», мышцы; Меркурию — язык, желчь; Луне — вкус, желудок, матка. Другой позднеантичный мыслитель, Прокл, связывал с определенными звездными сферами и планетами уже не части тела, но различные стороны человеческого духа. Он считал, что неподвижные звезды управляют интеллектуальной жизнью человека: Сатурн — созерцанием и размышлением, Юпитер — политическими и социальными инстинктами, Марс — страстями, Солнце — способностью восприятия, Венера — желаниями, Меркурий — даром речи, Луна — половым инстинктом.

В средневековые подобные воззрения приобрели

наибольшую популярность. Ими буквально наводнены астрологические, алхимические, философские и иные трактаты. В каббалистическом ¹ сочинении «Сефер Иецира», созданном во II в. до н. э. и получившем особую популярность в позднее средневековье, утверждается, что мир состоит из трех элементов: антагонистов — огня и воды, первый из которых образовал субстанцию неба, а второй — моря, и разъединяющего их воздуха. Каждый из этих трех элементов управляет одним временем года — жарким летом, дождливым сезоном и холодной зимой, каждый соответствует основной части человеческого тела: огонь — голове, вода — груди, воздух — животу.

Средневековая мистика оказала свое влияние на ряд естественных наук, особенно на астрономию и медицину. На основе концепции тождества микро- и макрокосма выросла так называемая астрологическая медицина, делившая все человеческое тело с головы до ног в соответствии с двенадцатью зодиакальными созвездиями. Широкое распространение получили изображения человеческой фигуры с анатомически показанными внутренностями, стрелками соединенными с тем или иным созвездием. Так, например, Водолей связывался с голенью, Стрелец — с бедрами, Близнецы — с плечами, Телец — с органами дыхания и т. д. Считалось, скажем, что нельзя делать операцию на той части тела, в знаке зодиака которой находится Луна, ибо влажность этого светила может вызвать ревматизм и воспаление. Точно так же нельзя было прописывать слабительное в то время, когда Юпитер находится в соединении с другими планетами, поскольку умеренная сущность Юпитера якобы помешает действию лекарства. Отголоски подобных лженаучных домыслов, к сожалению, и поныне

¹ Каббала — первоначально — книги пророков и устная традиция, позже, с VIII в., — мистическое учение, распространившееся среди приверженцев иудаизма.

довольно широко бытуют среди определенной части населения (особенно на Западе) в качестве суеверий и предрассудков. Такова, например, вера в то, что характер, склонности и даже судьбу человека можно предсказать путем составления гороскопа, определяющего положение звезд в момент рождения и «анализирующего» сущность покровительствующих человеку созвездий. Занимающиеся этим «звездочеты» недалеко ушли от религиозных представлений глубокой древности!

Не меньшей известностью концепция микро- и макрокосма пользовалась на Востоке, где она развивалась вне связи с западной традицией, как, например, в Китае. Соответствие микрокосма макрокосму зафиксировано уже в древнейшей китайской гадательной «Книге перемен», где небо уподобляется голове, а земля — животу. Комментарий к этому сочинению поясняет, что голова относится к ян, благородна и, подобно небу, находится вверху, живот же принадлежит инь¹ и потому расположен ниже. В другом древнекитайском сочинении утверждается, что тело человека состоит из связанных друг с другом восьми частей, которые, согласно комментарию, соответствуют восьми триграммам² и восьми ветрам (странам света): голова — югу, бедро — юго-западу, руки — северо-западу, ноги — северо-востоку, глаза — востоку, рот — юго-востоку и т. д.

Древние китайцы настолько были уверены в истинности идеи о тождестве микро- и макрокосма, что использовали ее в своих космологических концепциях. Так, астроном III в. Яо Синь для доказательства наклона земной оси в сторону юга приводил следующий аргумент: поскольку человек более всех созданий соот-

¹ Ян (мужское начало) и инь (женское начало) — два основополагающих принципа традиционной китайской космологии и философии.

² Триграммы — мистические знаки из непрерывных и прерывистых черт, игравшие большую роль в древнекитайской схоластике.

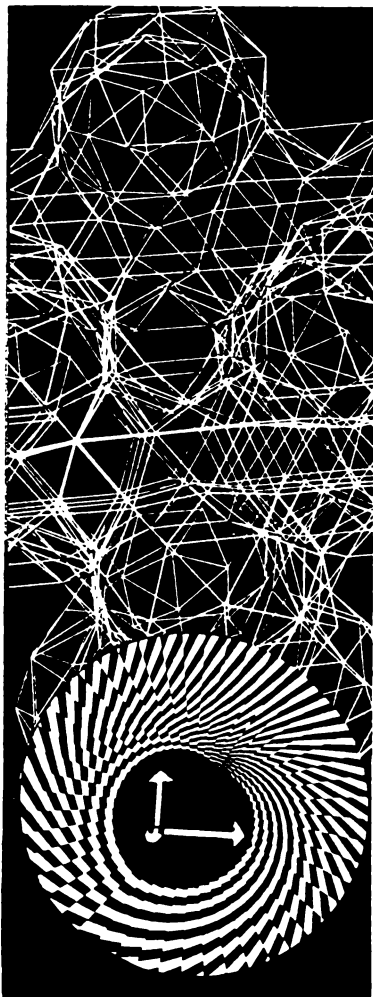
ветствует по своему строению небу, то, значит, что верно для человека, то должно быть верным и для неба. Человек может опустить подбородок на грудь, но не может прижать свой затылок к спине (по китайской символике грудь соответствует югу, спина — северу), следовательно, небеса прижаты к земле на юге и приподняты на севере, то есть земная ось наклонена к югу.

* * *

На ранних этапах развития религии представления о микрокосме не идут дальше наивного очеловечения одушевленной природы, которая в лучшем случае понимается как человеческое тело. Воззрения эти зачастую размыты и отрывочны, а сама вселенная-человек рисуется существом аморфным и пассивным. Преобразование архаичных взглядов на мир в сложную систему особенно интенсивно происходит в эпоху классовых обществ, именно тогда учение о микрокосме приобретает свой классический облик. На этом этапе тождественной человеку мыслится не только природа, но — что очень важно — и само общество, государство, уподобляемое телу верховного владыки.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОСМОС

Читатель уже имел возможность убедиться, что представления различных народов о вселенной во многих отношениях чрезвычайно сходны. Объяснить множество удивительных совпадений общим происхождением древних мифов невозможно: для этого пришлось бы признать, что вся мировая культура развивалась из одного центра. В прошлом подобные гипотезы пользовались большим успехом среди части ученых, но современная наука доказала их несостоятельность. Конечно, культурные контакты играли большую роль в распространении идей, но все же в большинстве случаев взгляд на мироздание вырабатывался самостоятельно. Общечеловеческое единство мировоззрения определяется совсем не заимствованиями, а тем важнейшим обстоятель-

ством, что все без исключения общества развиваются в соответствии с одними и теми же универсальными историческими закономерностями. Мысль о том, что сознание определяется бытием, а культура и идеология — социально-экономическими условиями, составляет краеугольный камень марксистской науки об обществе. Тесная зависимость космологических воззрений от социального устройства убедительно подтверждает это принципиальное положение.

Первые классификации

Говоря о вселенной, в первую очередь имеют в виду землю и небо, моря и океаны, звезды и светила. Но ведь окружающий человека мир не исчерпывается только этим, он, если воспользоваться образным восточным выражением, содержит в себе «десять тысяч вещей», многообразие которых не поддается определению. Это — тоже вселенная, и в ней тоже необходимо уметь ориентироваться. Огромная роль в познании мира принадлежит классификациям, представляющим первый шаг на пути познания закономерностей бытия. Их возникновение и подлинный расцвет связаны с развитием абстрактного мышления. Разумеется, классификации присущи и донаучному мышлению (без них никакое мышление невозможно), но основания их в этом случае иные. В современной жизни различия между обыденными и научными понятиями, хотя и существенны, все же не так бросаются в глаза. Другое дело — древние и первобытные культуры: тут расхождения с научной картиной мира огромны. Их изучение приводит к выводам интересным и поучительным.

Этнографами давно отмечено, что первобытное сознание оперирует множеством разнообразных классификаций, речь при этом идет не просто о чисто практическом делении предметов на полезные и бесполезные,

съедобные и несъедобные и т. д., а о более или менее общем взгляде на природу как на некое завершенное целое, состоящее из связанных между собой классов существ и явлений. Характерной особенностью ранних классификаций служит то, что они объединяют в одни группы предметы и понятия, которые, с точки зрения самой элементарной логики, казалось бы, не имеют между собой ничего общего. Вот лишь один пример: австралийские аборигены из племени вотжобалук объединяли в одну группу гром, сороку, дикую кошку, огонь, чайку, белого и черного бакланов, болотных птиц, цаплю. Черный какаду, игуана, ящерица, маленькая змея и дикая утка считались составляющими уже иную группу существ. В свою очередь, звезда, степной голубь, опоссум, кустарник, серый и красный кенгуру рассматривались как представители еще одного самостоятельного класса. Какое-либо разумное основание для такого деления на первый взгляд полностью отсутствует. Одно время европейские исследователи и миссионеры, сталкивавшиеся с подобными проявлениями первобытного сознания, были склонны расценивать их как свидетельство ущербности, неполноценности «мышления дикарей». Так ли это? Вовсе нет!

Логика в подобных построениях отсутствует только на первый взгляд. С точки зрения европейца, между чайкой, уткой, какаду в определенном смысле нет существенной разницы, он определяет их одним понятием — «птицы». Совсем иное дело — австралийский абориген, живущий в самом тесном контакте с природой, в огромной степени зависящий от нее и потому вынужденный прекрасно разбираться в разновидностях растений, птиц, рыб, животных, великолепно знать их особенности и повадки. В известном смысле коренного австралийца можно назвать прирожденным натуралистом: ему известны многие десятки видов растений, насекомых, он тонко различает породы и разновидности диких зверей и пернатых, для

каждой из которых в его словаре существует специальное обозначение. Вот, казалось бы, и разгадка проблемы: в одни группы объединяются существа, сходные между собой повадками и образом жизни, а система в целом суммирует охотничий и хозяйственный опыт аборигенов.

Однако все, оказывается, не столь просто. Прежде всего, нетрудно установить, что существа, относимые к одному классу, часто резко отличаются друг от друга не только по своей видовой принадлежности и иным характеристикам, но и по той роли, которую они играют в жизни аборигенов. Далее, наряду с животными в классификациях представлены и иные предметы и явления, никак уже не связанные с хозяйственной практикой. С другой стороны, обращает на себя внимание то, что большинство классифицируемых объектов являются тотемами. Чтобы понять суть проблемы, нужно пояснить, что такое тотем и тотемизм.

Термином «тотем» этнографы обозначают предмет или существо (чаще всего это животное или растение), считающееся предком-покровителем рода. Первобытное сознание не проводит резкой грани между людьми и животными, полагая, что последние некогда также имели человеческий облик и способности. Этим объясняется, что большинство отсталых народов выводили свое происхождение от того или иного зверя, птицы, растения. Тотемы почитались священными, с ними было связано много мифов и ритуальных предписаний. В частности, категорически запрещалось употребление тотема в пищу: человек скорее согласился бы умереть, чем отведать мяса своего зверя-предка, такое вкушение считалось грехом еще более тяжким, нежели каннибализм. Были и исключения, правда редкие, когда родичи, собравшись на великий праздник, в торжественной обстановке, с исполнением специальных обрядов поедали плоть своего мифического прародителя (таковы, например, медвежьи праздники у народов Сибири и Северной Америки). Цель

ритуального вкушения тотема состояла в том, чтобы мистическим образом сплотить родовой коллектив: съев мясо и кровь общего предка, родичи как бы возобновляли и упрочивали кровнородственные связи между собой. В этом и состоит главный смысл тотемических верований — через поклонение общему для всех божеству-зверю сплавивать коллектив, чтобы он мог выстоять в трудной борьбе с враждебной человеку природой.

Сказанное вовсе не означает, что в роли тотема может выступать лишь одно какое-либо животное или растение. Развитые тотемические верования предполагают наличие множества тотемов, образующих сложную и стройную систему, что связано со структурой общества. Поскольку на ранних ступенях развития религии (например, у австралийцев) тотемами являются большинство окружающих человека животных и растений, то практически весь животный и растительный мир, тот, с которым австралиец сталкивается в повседневной жизни, оказывается расклассифицированным на те же группы и подгруппы, что и само общество. Все виды флоры и фауны изображаются родственниками, образуя единую вселенскую семью. Расклассифицированным оказывается все многообразие вселенной. Огонь считается «родственником» дикой кошке и чайке, а звезда — опоссуму и кустарнику. Потому-то эти, казалось, разнородные существа и явления объединяются в одни группы и в каком-то смысле считаются тождественными или очень близкими друг другу. Вот и разгадка первобытных классификаций, на первый взгляд сумбурных и лишенных смысла: устройство вселенной копирует устройство общества.

Но, быть может, описанные классификации — это специфическая особенность аборигенов Австралии, и у других народов они не встречаются? Отнюдь нет. Можно смело утверждать, что то же самое присуще очень многим традиционным культурам земного шара и потому должно рассматриваться как универсальный феномен.

Сошлемся на свидетельство известного французского этнолога Л. Леви-Брюля: «В огромном количестве обществ низшего типа, в Австралии, в Западной Африке... у североамериканских индейцев, в Китае и т. д., обнаружено, что все вещи в природе, животные, растения, звезды, страны света, цвета, неодушевленные предметы вообще, разделены или были первоначально разделены на такие же классы, как и члены общественной группы. Если, например, члены данной группы разделены на известное количество тотемов, то так же обстоит дело и с деревьями, реками и звездами»¹.

Если культуру австралийских аборигенов принято относить к каменному веку, то племена Северной Америки, находившиеся в более благоприятных условиях, ушли в своем развитии намного дальше. Но и у них мы находим те же самые классификации, основанные на тех же принципах. Возьмем, к примеру, космологическую схему индейцев зуни. В ней выделяется семь важнейших точек мироздания: пять по горизонтали (север, восток, юг, запад плюс центр) и две по вертикали — зенит (верх) и надир (низ). В соответствии с этими координатами сгруппированы все девятнадцать родов, образующих племя. К северу относят роды журавля, куропатки, дуба; к западу — медведя, койота, весенней травы; к югу — табака, маиса, барсука; к востоку — лани, антилопы, индюка; к зениту — солнца, орла, неба; к надиру — лягушки, очковой змеи, воды; к центру — род попугая. Далее по тем же координатам расписано и все прочее, например: к северу относится ветер и дуновение воздуха; к западу — вода, весна и весенние ветры; к югу — огонь и лето; к востоку — земля и семена. В соответствии с данной схемой распределены и другие явления, предметы и животные, а также такие понятия, как война, мир, охота, земледелие, врачевание, магия, религия и их

¹ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930, с. 89.

различные комбинации. Кроме того, северу соответствует желтый цвет, югу — красный, востоку — белый, зениту — пестрый, надиру — черный и, наконец, центру — «пупу земли» — присущи все цвета.

Легко заметить, что эта система более разработана и совершенна, нежели австралийские. По своему характеру она менее конкретна, выше по уровню абстракции, в нее входит большее число отвлеченных понятий и представлений, связи между которыми сложились не сами собой, а были отчасти сознательно проведены мифотворческой фантазией.

Дальнейшую эволюцию исходных первобытных классификаций можно видеть на примере древнекитайской культуры. Стержнем, вокруг которого группировалось все многообразие видимого мира, служили так называемые «стихии», то есть космические элементы, в которых китайские мыслители видели первопричину всего сущего. Таких стихий насчитывалось пять — дерево, огонь, земля, металл, вода. Полагали, что их борьба и взаимодействие приводят в движение круговорот бытия. Вот одна из многих десятков древнекитайских классификационных схем (приводим ее в сильно сокращенном виде): стихия дерева — восток, весна, зеленый, возникать, начало, ветер, дождь, мускулы, глаза, нос, печень, народ, человек и т. д.; стихия огня — юг, лето, красный, расти, острый, вены, сердце, радость и т. д.; стихия земли — центр, середина лета, желтый, кормить, созреть, влажность, гром и т. д.; стихия металла — запад, осень, белый, собирать урожай, сухость, убивать, роса, кожа, волосы и т. д.; стихия воды — север, зима, черный, холод, низ, кость, ухо, почка, ужас, печаль, слух и т. д.

Для древнего китайца эта и подобные ей схемы были исполнены большого символического смысла. С помощью таких несовершенных средств пробуждающаяся человеческая мысль пыталась постичь закономерности бытия, сводя предметы и явления в общие категории, устанавли-

ливая зависимость между ними. Иными словами, перед нами одна из ранних попыток представить мир в виде единой целостной системы, каждый элемент которой занимает строго определенное место. Отсюда уже недалеко и до начатков философии. В самом деле, такая связь прослеживается. Опутанная религиозно-мифологическими предрассудками, мысль человека тем не менее постепенно отказывается от тотального классифицирования всех и вся: ведь при бесконечном расширении такие классификации теряют всякий смысл. Главное внимание обращается на принципы, первопричины. Так появляется представление о стихиях, или элементах космоса. Учение о них существовало не только у древних китайцев. Древнеиндийские и древнегреческие философы также полагали, что человек, жизнь вообще и само мироздание, наконец, являются продуктами четырех космических элементов (огонь, вода, воздух, земля). Из них будто бы образовалось все сущее, и в них все обратится опять в конце мира. Так очень долгим, трудным и сложным путем двигалось познание — от первобытных схем и классификаций к созданию предпосылок для будущего научного мировоззрения.

Универсальный дуализм

Кто-то, быть может, решит, что все сказанное выше относится только к примитивным обществам. С одной стороны, вроде бы и так: скажем, в развитой европейской культуре мы обнаружим лишь далекие и глухие отзвуки такого мирозерцания. Тем интереснее попытаться выяснить происхождение и смысл некоторых пережитков. Обратимся хотя бы к языку, этому важнейшему инструменту мысли. Давно замечено, что его развитие по сравнению с развитием мышления запаздывает, вернее сказать, для выражения новых понятий мы вынуждены пользоваться старыми языковыми формами, подго-

няя под них иное содержание. Для лингвиста и историка это драгоценное обстоятельство: изучая язык, мы можем выяснить, как мыслили и, соответственно, как представляли себе мир наши далекие предки.

Давайте задумаемся, читатель, над одним простым и кажущимся естественным фактом. Почему в русском и целом ряде других европейских (и не только европейских) языков существительные имеют показатель рода? Применительно к животным это в какой-то степени оправдано, ибо может служить указанием на пол, хотя и здесь не все так однозначно (скажем, по-русски «собака» женского рода, а по-немецки и французски — мужского). Но как понять, что о березе, ели, сосне мы говорим «она», а о дубе, тополе, клене — «он»? Ведь, казалось бы, с точки зрения половой принадлежности между породами деревьев нет разницы. Может быть, стройная березка своим внешним видом ассоциируется с девушкой, а кряжистый дуб — с могучим мужчиной? Но довод этот явно несостоятелен, ибо совершенно не объясняет, почему, предположим, потолок — «он», а стена — «она»? Никаких ассоциаций здесь нет. Можно, конечно, предположить, что пол вещей определяется тем, предметом чьей трудовой деятельности они являются — мужчины или женщины. Но и это допущение не может удовлетворить, так как слишком много здесь исключений. А кроме того, многие понятия просто никак не связаны с разделением труда и работой вообще. Каким образом можно связать с мужчиной и мужским полом, скажем, ручей или воздух, а с женщиной — дверь или воду?

Как уже говорилось в связи с классификациями австралийских аборигенов, первобытное сознание представляет себе природу (а шире — вселенную) устроенной по тем же принципам, что и общество. Структура космоса копирует структуру племени. Получается, что все существа и предметы, наполняющие мироздание, связаны с человеком определенной степенью «родст-

ва». И это вполне понятно: в условиях родового общества с его низким уровнем развития производительных сил человек находится в абсолютной зависимости от коллектива, быть изгнанным из рода означает скорую и неминуемую смерть. Отсюда колоссальное значение приобретают кровнородственные связи: каждый безошибочно знает точную степень родства, связывающую его с любым из соплеменников, живым или давно умершим (духи тоже входят в эту номенклатуру). Человек не может представить себе, чтобы существовали иные принципы организации, кроме кровнородственных. Буквально все, что его окружает, он располагает по этому ранжиру, а расположив, твердо знает, как нужно вести себя по отношению к данным существам или явлениям. С точки зрения австралийца, вселенная — это большая семья или большое племя, где все — камни, звезды, деревья, звери и конечно же все без исключения люди — родственники друг другу. Весьма отчетливо подобные представления существовали и у других народов. Так, по традиционным китайским воззрениям, считалось, что император — отец, а подданные — его дети, при этом весь народ страны уподоблялся единой семье. Более того, родственные отношения распространялись и на чужеземцев: когда заключался политический союз или устанавливались вассальные отношения с каким-либо государством или племенем, подыскивался соответствующий эквивалент из терминологии родства. Равноправные союзы определялись как отношения братьев; покоренные же царьки и владетели объявлялись племянниками или другими более дальними и младшими родственниками императора. Точно так же в Библии отчетливо проводится мысль, что еврейский народ, избранный богом, есть не что иное, как... жена бога. Между ними заключен брачный союз: когда древние евреи впадали в идолопоклонство, библейские пророки порицали это как блудодеяние, супружескую измену и грозили тем, что бог отвернется от не-

верной жены, даст ей разводное письмо. В христианстве эти воззрения отразились в представлении о церкви как о невесте Христовой (невестами Христа именовались и монахини, посвятившие свою жизнь богу). Наконец, обратим внимание на такой пережиток, как сохранившиеся в нашей современной речи обращения к незнакомым людям с употреблением терминов родства — дядя, тетя, мамаша, бабуся и т. д. Это — наследие старинного деревенского быта, где родственные связи играли очень большую роль.

Итак, по архаичным религиозно-мифологическим понятиям, не только все общество, но и вселенная — это большая космическая семья. Однако и семья, и общество складываются из мужчин и женщин. Человеческий род продолжается благодаря отношениям полов, которые регулируются брачными правилами. Брак — одно из важнейших и фундаментальных социальных установлений, без него немыслимо существование общества. Не вдаваясь в детальный анализ этой большой и сложной научной проблемы, отметим только, что, согласно нормам родового общества, между людьми могут существовать только два главных вида связей — кровнородственные и брачные. Между ними существует большая качественная разница. Кровнородственные связи нерушимы и незыблемы; как тело нельзя, не умертвив, разорвать на части, так нельзя порвать и родство. Каждый намертво и навсегда связан со своим родом, происхождение человека — это его судьба. Что же до брачных связей, то они намного слабее, в принципе их всегда можно разорвать и установить новые.

Наиболее простая и исходная организация родового общества называется дуальной, то есть двойной. При ней племя состоит минимум из двух родов (или дуальных половин). Члены каждого из них связаны между собой родственными узами, но по отношению к представителям другой половины племени считаются свойственниками,

то есть более чужими. Общество как бы расколото пополам: состоит из родственников и свойственников, своих и чужих. «Расколотой» является и семья: муж и жена — не родственники (браки внутри рода строго запрещены), в общем-то они — чужие друг другу люди; если счет родства ведется по материнской линии (а это наиболее древний способ), то отец не считается родственником своих детей. Вместо них он любит и лелеет детей своей сестры (племянников), доводящихся ему кровными родственниками.

Такая уже сама по себе непривычная и странная для нас ситуация осложняется еще одним важным обстоятельством. Оба рода, составляющие племя, находятся в состоянии ритуальной вражды между собой. Враждой это можно назвать лишь условно: в практической жизни каждый род помогает и поддерживает своих соплеменников из другого рода, но на религиозных праздниках между ними происходят ритуальные бои, драки «стенкой на стенку». Такие отношения являются пережитком еще более древнего прошлого: некогда каждый род был отдельным коллективом, враждовавшим с другими, и только путем брачного союза два рода соединились в одно племя. Поскольку браки между родственниками категорически запрещены и супруги должны быть из разных родов, то ритуальная вражда сказывается и в отношениях между мужем и женой. Проявляется она, конечно, не в семейной жизни, а в сфере религии и идеологии. Живущая в доме мужа женщина, поскольку она чужеродка, не имеет права участвовать в родовых праздниках и обрядах, ее быт и поведение определены множеством запретов, во многих случаях она считается «нечистой». В мифах, относящихся к эпохе отцовского рода, женским персонажам часто приписываются самые отрицательные характеристики: злоба, низменность (вспомним хотя бы библейский миф о грехопадении: склонная к пороку Ева по наущению змея соблазняет наивного и честного Адама).

На определенной стадии развития через дуальную организацию прошли все без исключения человеческие общества. Этим и объясняется одинаковое содержание мифов самых различных народов — ведь они в конечном счете отражают реальную жизнь. Общество, как было сказано, создается путем брачного союза, соединяющего первоначально враждебные друг другу силы. Но в точности таким же образом, согласно мифологии, творится и вселенная. Ту же картину, что и с образованием племени, рисуют нам мифы. Воплощающие собой полярные качества космоса отец-небо и мать-земля вступают в брачный союз, порождая человека и все сущее. Разрыв этой связи равносителен нарушению космической гармонии и гибели мира. В развитых же религиозно-мифологических системах эта идея получает более отвлеченное толкование. Так, согласно традиционным китайским воззрениям, в начале всего существовал безликий хаос. Со временем из него выделилось два мистических начала — мужское, ян, и женское, инь, во всем противоположные друг другу. Смешавшись в определенных пропорциях друг с другом, они породили весь видимый мир. Надлежащее сочетание ян и инь — залог процветания общества и вселенной, а нарушение его грозит всяческими бедами.

Итак, мы пришли к следующему. На ранних этапах своей истории человек отождествлял вселенную с обществом. Все в мире распределялось в соответствии с социальными группами. Каждый человек, семья, род или иное подразделение племени считались связанными с определенным классом животных, растений, предметов и явлений, которые рассматривались как их «родственники». Важнейшей характеристикой общественного устройства было деление племени на две половины, одна из которых мыслилась как женская, а другая — мужская¹.

¹ Мы оставляем в стороне сложную проблему, почему это происхо-

Вполне понятно, что в соответствии с этим на две части делилось и мироздание. Одной из них приписывался женский, а другой — мужской пол. В развитых культурных традициях подобные представления давным-давно исчезли, но их следы сохранились в языке. Конечно, было бы очень интересно узнать, в силу чего получило свой «пол» то или иное конкретное слово. Однако это особая проблема, выходящая за рамки нашей задачи.

Что такое «ойкумена»!

Слово «ойкумена» пришло к нам из древнегреческого языка, означает оно обитаемую часть вселенной, за пределами которой простирается неведомый и полный опасностей «иной мир», населенный сверхъестественными существами и чудовищами. Образован этот термин от корня «ойкос» — «дом». Таким образом, если понимать его буквально, то получается, что дом и вселенная — синонимы. Приведем для сравнения другой близкий пример, на этот раз из русского языка. Слово «мир», обозначающее вселенную, космос, в прошлом употреблялось еще в одном смысле — крестьянская община, объединяющая жителей одного села. Сельский «мир», одна из низовых форм социальной организации, как бы приравнивался к мирозданию. И то и другое вовсе не игра случая, не простое совпадение. За обоими примерами скрыто сложное и в наши дни уже позабытое содержание.

В древности (а кое-где еще и по сей день) люди жили малочисленными, разбросанными по обширным пространствам племенами. Экономическая замкнутость вела к тому, что человеческие коллективы были изолированы друг от друга, контакты сводились к случайным встречам,

дит (ведь в силу двустороннего характера брака обе половины племени равноправны и не могут считаться «мужской» или «женской»). Одну из гипотез на этот счет см.: Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983, с. 118—146.

которые чаще всего обращались военными столкновениями из-за охотничьих угодий, пастбищ и по другим поводам. Иноплеменников, говоривших на другом языке, имевших иную культуру, религию и обычаи, рассматривали как существа, только по виду напоминающие людей, по сути же стоящие близко к животным. Их непонятная речь казалась подражанием языку птиц и зверей, их обычаи — смешными и нелепыми. Вследствие своей хозяйственной и культурной обособленности каждое племя только самое себя обозначало понятием «настоящие люди», относя всех прочих к категории «недочеловеков». В мифах и фольклоре чужеземцы рисовались свирепыми и кровожадными страшилищами, постоянно замышляющими против «настоящих людей» всевозможные козни. Из такой концепции вытекало представление, что данное племя и есть все человечество, ибо все чужеплеменники относились к дикой и враждебной природе.

Выдающийся русский путешественник и исследователь XVIII в. С. П. Крашенинников, оставивший нам знаменитое «Описание земли Камчатки», был искренне поражен непомерным самомнением камчадалов, свято уверенных в том, что их страна и образ жизни — лучшее из всего, что есть на земле. Рассказы участников экспедиции о великолепии и могуществе российской короны оставляли их совершенно равнодушными. На все доводы они с обезоруживающей наивностью выдвигали путешественникам самый «веский» аргумент: если бы у вас было лучше, вы бы не приезжали в гости в наш край. Кеты, маленькая сибирская народность, насчитывающая всего несколько сот человек, еще в прошлом веке полагали, что центр мира (мистический «пуп земли») находится не где-нибудь, а в месте их проживания, причем представитель каждого рода утверждал, что пуп земли помещается именно на его родовой территории и, соответственно, его род — самый древний и лучший. И таких примеров можно привести множество.

По мере развития культуры и культурных контактов категоричность суждений несколько смягчилась, но все же национальная и религиозная ограниченность давали себя знать. Каждый народ считал себя и свои обычаи наилучшими, а свою веру — единственно истинной. В Европе отзвуком подобных воззрений далекой первобытности следует считать популярные со времен Геродота (и даже раньше) и вплоть до позднего средневековья измышления о живущих в дальних странах людях с собачьими, кошачьими и птичьими головами, о людях, впадающих в зимнюю спячку, людях-уроках, одноглазых циклопах и великанах. Считая «настоящими людьми» только своих родичей и свой народ, отождествляя их со всем человечеством, человек закономерно приходил к выводу, что территория его обитания и есть вся вселенная.

Многие народы древности полагали, что их страна есть точное подобие вселенной и устроена по тому же плану, что и мироздание. Этот план они усматривали на небе, в расположении и сочетаниях звезд. Египтяне, например, были убеждены, что Млечный Путь — это небесный прообраз земного Нила, главной реки и национальной святыни их страны. Вавилоняне не сомневались в том, что звездная карта есть идеальная схема Месопотамии, своего рода божественный чертеж, в соответствии с которым на земле возведены города и крепости. У наиболее крупных городов были свои небесные эквиваленты: Сиппар считался подобием созвездия Рака, Ниневия — Большой Медведицы, Ашшур — Полярной звезды. Популярное в древности представление о том, что все земное есть несовершенная и ухудшенная копия небесного, находит свое отражение в мифах, согласно которым некогда, в самом начале миротворения, небо и земля были тесно слиты, а затем отделились: все, что есть на земле, «отпечаталось» на небе.

По широко распространенным мифологическим воззрениям, мир живых отделен от мира мертвых «рекой

забвения», через которую особый проводник (у греков это всем известный Харон) перевозит души усопших. В эллинской мифологии называлось несколько таких рек. Самое интересное состоит в том, что одна из них, Эридан (по легенде, именно туда рухнула солнечная колесница Фазтона, сына Гелиоса), существовала в реальности и образовывала собой границу Афин. Точно так же ручей Ги-хон (по Библии, это — одна из рек, омывающих райскую гору) находился на окраине Иерусалима. А это значит, что реально существующие реки, образующие естественные границы древних городов, переосмыслились религиозно-мифологическим сознанием в качестве космического рубежа двух миров — сего и потустороннего.

Таким образом, в древности город (а шире — всякое человеческое поселение) рассматривался как уменьшенная модель мироздания. Внутри него — живые, за пределами — злые духи, чудовища и мертвые. Попасть в иной мир было нетрудно, для этого стоило лишь выйти за границу постоянного места проживания человека. Входом в преисподнюю считались кладбища и могильники, всегда помещавшиеся вне поселения, за магической чертой. В фольклоре многих народов мира встречается сюжет о том, как припозднившийся путник останавливается на ночлег в незнакомом селении, где все не как у людей, и лишь на другой день узнает, что он забрел на кладбище и побывал на том свете.

Большое практическое и символическое значение имела и внутренняя планировка древних городов и поселений. Главное ее назначение состояло в соблюдении социальной структуры общества. Уже у самых отсталых племен мы не найдем, чтобы жилища в поселке располагались в беспорядке, как попало. Основной принцип их размещения — родственные связи. Дома родичей всегда составляют обособленные группы, между которыми, как правило, находится ничейная территория. Из скольких родов состоит племя, на столько частей делится

и поселение. Мы привыкли к улицам, нам и в голову не приходит задуматься, откуда взялся такой порядок размещения домов (ведь в принципе возможно множество вариантов планировки). Между тем именно по такому способу планируется поселение племени, имеющего простейшую структуру: каждый ряд жилищ принадлежит одному из двух родов, пространство же между ними — общее. Такое элементарное по своему устройству поселение имеет вид одной-единственной длинной улицы.

Древние города в своей основе — те же поселки, только разросшиеся и развившиеся. Существовали различные способы планировки городов, и каждый из них имел свой символический смысл, но давайте сконцентрируем внимание на квадратной модели, значение которой проявляется нагляднее всего. Главное символическое значение квадрата в том, что это образ земли. Представление о земле как четырехугольной плоскости соперничает в популярности с понятием «круга земного». Такой мыслили ее себе древние египтяне, китайцы, японцы, индийцы, турки. Квадратный в плане город, разделенный на четыре четверти, каждая из которых ориентирована по Солнцу, таким образом, имитирует структуру вселенной по горизонтали.

Само жилище человека также часто мыслилось исполненным космической символики. Сейчас на место, где намечено строительство дома, приходят геодезисты и размечают участок, где затем забиваются сваи и готовится фундамент. Все очень обыденно. В древности же благоприятное место определялось гадателями-геомантами. При закладке дома приносилась особая строительная жертва: в землю закапывалась голова петуха или другого животного. Злые строители могли символически, посредством магических обрядов принести в жертву и кого-либо из неугодных им людей (отсюда современное выражение «на чью-либо голову»). В Древней Индии строительство дома рассматривалось как священный акт,

в миниатюре воспроизводящий сотворение мира: первый колышек, вбиваемый в землю, считался уменьшенной копией копья, которым боги поразили мирового змея, из чьего тела возникла затем земля. Космический смысл вкладывался и в понятие краеугольного камня, с которого начинается строительство: в евангельских притчах он — символ Христа.

Что касается внутренней планировки жилища, то чрезвычайный интерес представляет традиционное изображение монгольской юрты: ее окружность размечена на двенадцать равных частей, обозначенных знаками зодиака. Таким образом, жилище кочевника уподоблено небесному кругу с его важнейшими созвездиями. В точности те же представления мы встречаем и за тысячи километров от Монголии — у мальгашей Мадагаскара, у которых четыре стены дома делились на двадцать восемь отрезков — по числу дней в лунном месяце. Каждый из отрезков имел свое собственное символическое значение, а их сочетания с другими знаками определяли судьбу обитателей жилища. Подобно тому как вселенная, а вместе с ней поселок или город делятся на две части — свою и чужую, добрую и злую, мужскую и женскую, так и жилище у многих народов строго подразделялось на две половины — мужскую и женскую, для хозяев и для гостей, а перемещение внутри дома регламентировалось специальными правилами и обычаями. Все сказанное значит, что слово «ойкумена» не случайно образовано от «ойкос» — «дом». Обитаемый космос и в самом деле мыслился домом, а тот, в свою очередь, считался его земным воплощением.

Число, пространство, время

Число, пространство и время — важнейшие абстрактные понятия, которыми оперирует человеческое мышление, познающее мир. Не проанализировав их место в ре-

лигиозно-мифологическом мировосприятии, нельзя понять его своеобразия.

Сначала о числе. Со школьной скамьи мы привыкли думать, что все числа имеют одинаковые свойства. Скажем, число «семь» отличается от числа «шесть» только тем, что больше на единицу, во всех же остальных смыслах они равноправны. Ни одно из чисел ничем не хуже и не лучше других. Число для нас — понятие отвлеченное. Складывая, предположим, числа «семь» и «пять», мы абстрагируемся от их конкретного содержания, нам важен сам процесс и его результат. Первобытный же человек, производя сложение, всегда имел в виду конкретные предметы с их специфическими качествами. Воспоминанием об этом служат сохранившиеся в отдельных языках (например, в китайском и некоторых африканских) числовые классификаторы: между числительным и словом вставляется специальный показатель, употребляемый только для данного класса предметов. Скажем, при счете деревьев употребляется один такой классификатор, для животных — другой, для плоских предметов — третий и т. д. По сути это аналогично тому, как далеко не всякий ребенок может сразу взять в толк, что килограмм ваты и килограмм железа равны по весу, ведь в его глазах свойства ваты и железа прямо противоположны. Но дело, конечно, не в том, что древний человек по своему умственному развитию был равен современному ребенку, просто весь его опыт, направление мысли и способ видения мира были иными.

В древности различным числам приписывались различные свойства. Одни из них считались счастливыми и особо благоприятными, другие, напротив, злыми и вредоносными. Числа наделялись не только природными, но и человеческими качествами. Наконец, число обожествлялось. Подобные воззрения мы находим у древних эллинов, родоначальников классической математики. Вероятно, не все знают, что Пифагор, доказавший наз-

ванную его именем теорему, был основателем пифагорейства, направления, в котором математика тесно переплеталась с мистикой. Пифагорейцы утверждали, что миром управляют числа и их соотношения. «Все есть число!» — гласил главный их тезис. При этом из общего ряда чисел выделялись ключевые, наполненные, по мнению пифагорейцев, особо глубоким смыслом и значением. Ион Хиосский (V в. до н. э.), например, сочинил трактат «Тройная борьба», посвященный тройке, в котором утверждал: «Все — три, и нет ничего ни больше, ни меньше трех. Совершенство каждого отдельного существа есть троича: ум, сила и счастье»¹. Согласно учению пифагорейцев, «то, что следует за математической величиной, имеющей три измерения, (то есть геометрическое тело), заключается в четверице, качество и цвет проявленной природы — в пятерике, одушевление — в шестерке, ум, здоровье и... свет — в семерике, после них... любовь, дружба, мудрость и изобретательность получили существование благодаря восьмерке»². Верхом же совершенства полагалась десятка, считавшаяся «самой естественной и самой священной из всего сущего».

В разной степени подобные воззрения были присущи многим народам мира. Данные лингвистики свидетельствуют, что натуральный ряд чисел, как мы его представляем, не находит отражения в древнейших пластах языка. Числа мыслились качественно разнородными, при этом непомерно большое значение придавалось некоторым из них. У разных народов особо почитаемыми были разные числа. Наибольшей популярностью пользовались, как правило, числа «три», «семь», «девять», «двенадцать».

Проблема происхождения «священных» («совершенных» или «магических») чисел давно занимает исследо-

¹ Цит. по: Маковельский А. Досократики. Казань, 1919, ч. 3, с. 5.

² Там же, с. 24—25.

вателей. Объяснений было предложено немало. Так, тройку выводили из трехмерности пространства, из трех аспектов времени (прошлое, настоящее, будущее), наконец, из трех дней новолуния. Особую роль пятерки и десятки объясняли пальцевым счетом. Но больше всего толкований породила магическая семерка. Одни видели в ней отражение семи цветов радуги, другие — семи планет, третьи — сумму тройки и четверки, в свою очередь являющихся священными. Семерку рассматривали и как число дней лунной фазы. Наконец, недавно было предложено объяснение, согласно которому семь — пороговое число восприятия человеком множества предметов одновременно.

Не возражая против возможной оправданности по крайней мере некоторых из перечисленных объяснений, следует заметить, что ни одно из них не решает проблемы целиком. Ибо остается неясным, как же быть с прочими числами — двойкой, четверкой, шестеркой, восьмеркой и др.? Их-то символическое значение чем объяснить? А между тем в ряде культурных традиций они играли роль не меньшую, чем, скажем, «знаменитые» числа «три» и «семь».

И вот здесь-то важно обратить внимание на функцию чисел в представлениях человека о вселенной. Как мы уже видели, в своих главных чертах картина мира повторяется с некоторыми вариациями у большинства народов. Мироздание имеет весьма устойчивое число параметров. Прежде всего, оно делится на две части — мир естественный и мир сверхъестественный, а по вертикали состоит минимум из трех частей. Горизонталь разбивается на четыре части с особо отмеченной точкой в центре. Итого важнейших координат получается ровно семь: четыре страны света, центр, верх, низ. Думается, именно этим следует объяснить громадную популярность семерки — ведь она описывает собой основные параметры космоса. Ну а как же быть с остальными числами? Для

них тоже находится место: двойка — этот и тот миры; тройка — небо, земля и преисподняя; четверка — четыре страны света; пятерка — четыре страны света плюс центр и т. д. Комбинации возможны различные. Китайцы, например, чаще всего определяли вселенную двумя числами — «пять» и «шесть». В первом случае в расчет принимались четыре страны света и центр, во втором вместо центра в качестве важнейших координат брались верх и низ. Индийская средневековая традиция описывала мир числом «десять»: восемь стран света (север, восток, юг, запад плюс промежуточные направления) и верх с низом. Магические числа оказываются, таким образом, космическими, определяют полноту, гармонию и совершенство мироздания.

Целым рядом непривычных для нас характеристик в религиозно-мифологической картине мира наделялось не только число, но и пространство. Классическая механика Ньютона базируется на представлении о нем как о бесконечной, однородной по всем направлениям протяженности, в любой точке которого постоянно действуют одни и те же универсальные законы. Древнее мирозерцание, менее всего интересовавшееся абстракциями, представляло его совершенно противоположным образом. Как и в случае с числом, на первый план выступало не отвлеченное понятие, а конкретная реальность. Вселенной для человека была территория его обитания, соответственно этому пространство не мыслилось в отрыве от ландшафта — гор, рек, долин. По религиозным же воззрениям, качества и характеристики различных участков племенной территории были разными. Одни из них отличались особой благоприятностью, других же, напротив, следовало опасаться и стараться обходить стороной. Главным критерием здесь служили вовсе не какие-то физические особенности местности. Опутанное суевериями сознание остерегалось опасностей не столько природных, сколько сверхъестественных.

Для первобытного человека чуть ли не каждый клочок его племенной территории исполнен особым мифологическим смыслом. С ним связаны определенные легенды и предания. В таком-то месте, согласно племенному мифу, вышли из земли первопредки человечества, в другом — у них родился первый потомок, в третьем — отважный герой глубокой древности поразил страшное чудовище, чье тело, окаменев, обратилось в лежащий и доныне камень. В силу такой мифологической насыщенности пространства отдельные его точки, с которыми связаны наиболее важные события мифического прошлого, приобретают особую значимость. Там исполняются обряды и церемонии, сооружаются алтари, приносятся жертвы духам. Эти места объявляются священными.

Сейчас, отправляясь в путь, мы не задумываемся, в каком направлении он лежит — на север, юг, запад или восток, ведь это не имеет практического значения. Древние же всегда самым серьезным образом размышляли над этой проблемой. У разных народов разные страны света считались благоприятными или неблагоприятными. Положительные свойства чаще всего приписывались востоку, ибо там рождается дарующее свет и жизнь солнце. Запад же определялся как место смерти, туда вместе с заходящим солнцем отправлялись умершие. Югу также обычно отдавалось предпочтение перед севером. Последний вместе с западом мыслился краем холода, мрака, зла. Впрочем, это лишь примерная схема, конкретных вариантов могло быть множество. Качества пространства определялись его родовой принадлежностью. В первую очередь благоприятной и счастливой считалась территория своего рода. По мере разложения родовой организации вся схема приобретала более умозрительный характер: прежние конкретные определения пространства обобщались и привязывались уже к физическим координатам — странам света. Так и получилось, что одни из них стали «добрыми», другие — «злыми».

Столь же коренным образом отличаются от современных и архаичные представления о времени. Как и пространство, время мыслилось качественным. Оно могло быть либо хорошим, либо плохим, либо «так себе». Приступая к какому-либо важному и значительному делу, человек непременно советовался со жрецом, колдуном, гадалем о наиболее благоприятном дне. Без этого не обходилась ни закладка дома, ни отправка в дальнее путешествие, ни заключение брака. В древности подобные суеверия были настолько распространены, что им следовали не только частные лица, но и цари и государственные деятели. Специальные священнослужители определяли наиболее подходящее время для коронавания царя, выступления в военный поход или любой другой крупной государственной акции. На чем же покоились эти предрассудки?

Их основу составляла вера в то, что каждый отрезок времени мистически связан с тем или иным духом, божеством, вселенским принципом. Поскольку у каждого божества свой характер, оно либо благосклонно, либо враждебно людям, постольку и контролируемое им время является счастливым или несчастливym. В пределах большого промежутка времени разным богам приписывались определенные годы. Внутри годового цикла выделялись сезоны, месяцы, недели и дни, имеющие каждый своего покровителя и, соответственно, отличающиеся по своим характеристикам. Следы этого сохранились в современных европейских языках. Не только годы, месяцы, недели и дни считались счастливыми и несчастливыми, по тому же принципу делились и часы суток — одни из них считались благоприятными для всякого рода начинаний, в другие следовало, напротив, воздерживаться от серьезных действий и решений.

Следы подобных суеверий во множестве обнаруживаются практически у всех народов. Они пышным цветом расцвели в средневековой Европе, но особенно в Новое

время, и способствовала этому астрология. Начиная с XVI в. они захлестнули и Русь, обычно державшуюся в стороне от «еллинских борзостей» и «умствований латынских». Во множестве переводных «Острологий», «Звездочетцев», «Планидников» содержались подробные указания, какие дни добрые и какие злые, в какой день месяца следует начинать то или иное дело. Расписано было все — от празднования свадеб до «пущания крови» и соления капусты, вплоть до того, что в одном из «Планидников» точно определялось, в какой день лучше всего «мыслити начинати».

С понятием качественного времени самым тесным образом связано представление о его цикличности. И в этом пункте религиозно-мифологическое сознание опять-таки принципиально противоречит современной картине мира, утверждающей необратимость времени. Согласно древним воззрениям многих народов, история вселенной и человечества разворачивается не в виде бесконечной последовательности событий, а по кругу: через какое-то время все, что было, повторяется вновь, и причем в том же самом виде. Эта концепция круговорота бытия нашла отражение не только в мифах, но и в ранней философии (например, греческой), еще тесно связанной с мифологическим наследием. Но своего расцвета эти воззрения достигли в эсхатологии, религиозном учении о конце мира. Христианская эсхатология утверждает, что конец мира ознаменуется так называемым вторым пришествием (то есть вторым появлением на земле Христа), за которым последуют страшный суд — жестокая расправа с нечестивыми — и установление вечного царства божия. Никакой цикличности здесь как будто бы нет. Но это только на первый взгляд. Бросив взгляд на «священную историю», излагаемую в Библии, мы легко сможем убедиться, что, с точки зрения христианства, мировые события образуют несколько концентрических кругов.

Круг первый: сотворение мира и первых людей, их жизнь в раю, грехопадение и изгнание из рая, дальнейшее разращение человечества, всемирный потоп, уничтоживший грешников. Круг второй: спасшийся от потопа благочестивый Ной возрождает человечество, то есть как бы творит новый мир, но и это новое человечество постепенно погрязает в грехах, самым гнусным из которых является распятие Христа, посланного богом-отцом на землю. Круг третий: Христос, а после него апостолы творят очередное «новое» человечество — христианскую общину, церковь, но ему вследствие несовершенства человека суждено со временем прийти в упадок, тогда-то и наступит страшный суд — замкнется очередной цикл космической истории. Все три цикла повторяют друг друга, образуя большой мировой круг, начало которого является вместе с тем и его концом (изгнанное из рая человечество все же должно попасть в царство божие).

Христианская мифология не являет собой исключения из общего правила. По той же схеме развитие истории мыслилось и многими другими народами. Так, у древних греков огромной популярностью пользовалось учение о четырех сменяющих друг друга космических эпохах, впервые изложенное Гесиодом (VIII—VII вв. до н. э.). Первая из них называлась «золотым веком»: жизнь людей была тогда счастлива и изобильна. В следующую — «серебряный век» — люди испортились и перестали приносить жертвы богам, за что и были истреблены Зевсом. В «медный век» положение еще более ухудшилось: начались войны и грабежи, в ходе которых люди истребили друг друга. Затем наступил последний, самый тяжелый из веков — «железный». Здесь перед нами схема, сходная с христианской: сменяющиеся циклы повторяют друг друга, но постепенно деградируют.

По учению зороастризма, религии древних иранцев, бытие космоса определяется постоянным противоборством добра и зла, воплощенными в двух божествах —

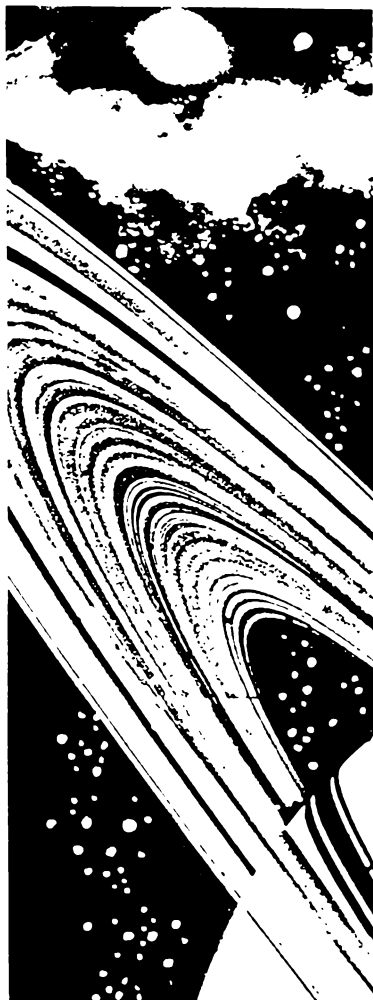
Ахурамазде и Анхра-Майнью. Большой мировой цикл, равняющийся двенадцати тысячам лет, состоит из четырех малых по три тысячи лет каждый. Первый из них характеризуется сосуществованием добра и зла, второй — это время безраздельного господства сил добра (своего рода «золотой век»), во время третьего — торжествует Анхра-Майнью, и, наконец, в четвертый должна произойти решительная битва Ахурамазды с Анхра-Майнью, которая завершится победой благого начала. Близкая по смыслу концепция была известна и этрускам, древним обитателям Апеннинского полуострова, заложившим основы пришедшей им на смену римской культуры.

Проблемы, связанные с архаичными представлениями человека о числе, пространстве и времени, сложны и имеют много различных аспектов. Мы затронули здесь лишь некоторые из них, наиболее характерные и показательные. Но даже и такой беглый обзор обнаруживает принципиальное своеобразие важнейших категорий, образующих картину мира. Объясняется это своеобразие особенностями социально-экономического бытия древних обществ. Обобщенный взгляд на мир формировался на основе практики. За причудливыми мифологическими образами, сюжетами и представлениями стоит вполне реальное и конкретное содержание. постигая закономерности духовной культуры и мировоззрения, мы не просто коллекционируем непривычные и потому вызывающие любопытство факты и сведения, но путем их сравнения и анализа глубже проникаем в ход и смысл истории человеческого общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, наш краткий обзор донаучных космологических концепций завершен. Мы рассмотрели немалое число весьма разнообразных по характеру свидетельств и фактов. Знакомство с ними показывает, что богатство человеческой фантазии практически не ограничено. Какими только яркими и красочными деталями не украшают мифы картину мироздания! Но при всем многообразии систем, созданных различными народами, между ними много и такого, что позволяет объединять их вместе, как бы складывать из разрозненных фрагментов единую для всего древнего человечества картину вселенной.

О чем это говорит? В первую очередь о том, что духовная культура в своих главных чертах едина, развивается по общим для всех народов важнейшим законам. Это

обстоятельство убедительно свидетельствует в пользу того, что не существует культур «избранных». Различия определены не умственным превосходством одних народов над другими: ведь человеческая мысль в своем познании окружающего мира движется хотя и с разной скоростью, но по одному и тому же магистральному пути.

В соответствии с этим один из наиболее важных выводов состоит в том, что картина мира самым непосредственным образом зависит от характера человеческого общества, создавшего ее. На ранних ступенях развития сознание отождествляет такие понятия, как «общество», «природа», «вселенная». Здесь возникает одна из архаичнейших концепций мироздания в образе животного. Следующий шаг — очеловечение вселенной. Постоянно преодолевая жесткую зависимость от природы, человек все более и более возвышается над ней. Соответственно, меняется его взгляд на космос, который отныне представляется ему в облике человека. Одновременно с этим, вселенная мыслится устроенной наподобие человеческого общества.

Архаичное сознание не в состоянии проанализировать этот процесс, и потому происходит обратное переосмысление: человек начинает думать, что не он «сотворил» вселенную по своему образу и подобию, а, напротив, сам он создан по космическому образцу.

И еще одно принципиально важное следствие. Как было сказано, религиозно-мифологическая картина мира есть отражение объективно существующих условий. А это значит, что с изменением этих условий она обязательно должна трансформироваться. Социальный прогресс, составляющий существо современной эпохи, являет собой надежный залог того, что религиозное мировоззрение, унаследовавшее многие свои элементы от далекого прошлого, с неизбежностью обречено уступить место мировоззрению научному, которое одно только в состоянии дать человеку достоверное знание об окружающей его вселенной.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
МНОГОЭТАЖНАЯ ВСЕЛЕННАЯ	6
ОСЬ МИРА	23
ЗООМОРФНАЯ МОДЕЛЬ	42
МИКРОКОСМ И МАКРОКОСМ	62
СОЦИАЛЬНЫЙ КОСМОС	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	110

Валерий Владимирович Евсюков

Мифы о мироздании

Вселенная

в религиозно-мифологических представлениях

Заведующий редакцией А. В. Белов

Редактор Л. И. Волкова

Младший редактор С. О. Овчинников

Художник А. И. Сперанский

Художественный редактор А. А. Пчелкин

Технический редактор Н. К. Капустина

ИБ № 5282

**Сдано в набор 26.09.85. Подписано в печать 24.01.86. А 00014. Формат 70×
×108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Журнальная руб-
леная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,90. Усл. кр.-отт. 5,25. Уч.-изд. л. 5.
Тираж 200 тыс. экз. Заказ 1104. Цена 15 коп.**

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

**Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.**

15 коп.

